Джоанна КЭННОН

СРЕДИ ОВЕЦ И КО́ЗЛИЩ

Необычная, трогательная, великолепно написанная история... Читать ее — наслаждение от первой до последней страницы!

Пола Хокинс,
автор бестселлера «Девушка в поезде»

Джоанна Кэннон
Среди овец и козлищ
Серия «Свет в океане»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24205694
Среди овец и козлищ: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-096185-6

Аннотация

Жаркое лето 1976 года. Тихая улица маленького английского городка, где все друг друга знают. Внезапно размеренную жизнь нарушает шокирующее событие – одна из жительниц, миссис Кризи, пропадает… Полиция оказывается бессильна, и две десятилетние подружки, Грейс и Тилли, решают, что только они могут найти исчезнувшую, ведь у них есть отличный план. Они слышали слова местного священника, что если среди нас есть Бог, то никто не будет потерян, а значит, надо всего лишь пройтись по всем домам и выяснить, в каком именно живет Бог. И тогда миссис Кризи точно вернется. Так начинается их путешествие в мир взрослых… Оказывается, что не все так просто на этой залитой солнцем улице. За высокими заборами, закрытыми дверями и задернутыми шторами хранятся свои секреты. И где-то там, среди этих пересекающихся историй местных жителей, скрывается общая тайна, которую все они хотят забыть…

Содержание

Дом номер четыре, Авеню 5
Церковь Святого Антония 18
Дом номер четыре, Авеню 35
Дом номер шесть, Авеню 45
Дом номер три, Рябиновая улица 66
Дом номер четыре, Авеню 70
Дом номер шесть, Авеню 78
Дом номер два, Авеню 97
«Королевский Британский легион» 102
Дом номер четыре, Авеню 122
Конец ознакомительного фрагмента. 126

Джоанна Кэннон
Среди овец и козлищ

Joanna Cannon
THE TROUBLE WITH GOATS AND SHEEP

© Joanna Cannon, 2016
© Перевод. Н.В. Рейн, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Артуру и Дженис

Дом номер четыре, Авеню

21 июня 1976 года

Миссис Кризи исчезла в понедельник.

Я точно помню, что это был понедельник, поскольку именно в тот день приезжали мусорщики и по всей улице распространилась вонь пищевых отходов.

– Чего это он там затеял? – Отец отодвинул шторку на кухонном окне и кивком указал на мистера Кризи, бродившего по тротуару в рубашке с короткими рукавами. Тот что-то высматривал, но каждые несколько минут останавливался, тщательно изучал свой «Хиллман-хантер»[1] и крутил головой, словно принюхивался к чему-то и прислушивался.

– Не иначе жену потерял, – заметила я и, воспользовавшись тем, что все отвлеклись, схватила еще один ломтик тоста. – Хотя есть подозрение, что она смылась от него окончательно.

– Грейс Элизабет! – укоризненно воскликнула мама. И так резко отвернулась от плиты, что хлопья овсянки разлетелись по полу.

– Я всего-то и делаю, что повторяю слова мистера Форбса, – сказала я. – Маргарет Кризи не вернулась домой вчера вечером. Мне кажется, она окончательно отвалила.

---

[1] «Хиллман-хантер» – популярная в 70-е гг. XX в. модель английского автомобиля. – *Здесь и далее примеч. пер.*

И мы продолжили наблюдать за мистером Кризи. А он заглядывал в садики к соседям, словно миссис Кризи могла разбить палаточный лагерь где-нибудь в цветнике на чужой территории.

В конце концов отец потерял всякий интерес к этому занятию и, уткнувшись в газету, пробурчал:

– А ты слушаешь все, что болтают соседи?

– Мистер Форбс был в саду и говорил со своей женой. А у меня окно было открыто. Так что я случайно услышала, а не подслушала. – Говорила я все это отцу, но обращалась к Гарольду Уилсону[2] и его трубке, которые взирали на меня с первой полосы газеты.

– Он не найдет женщину, расхаживая туда-сюда по улице, – заметил отец. – Хотя я на его месте попробовал бы заглянуть в дом номер двенадцать.

Я заметила, что мама с трудом сдерживает улыбку. Видно, родители полагали, что смысл этой реплики мне не ясен. Что ж, пусть и дальше так считают, мне же лучше. Мама говорила, что я вступила в трудный возраст. Лично я никаких таких особенных трудностей не испытывала, а потому решила, что трудности возникли у них.

– Может, ее похитили, – заметила я. – Может, мне вообще небезопасно идти сегодня в школу.

– Абсолютно безопасно, – сказала мама. – Ничего страш-

---

[2] Гарольд Уилсон (1916–1995) – политик-лейборист. Лидер партии с 1963 г., премьер-министр Великобритании.

ного с тобой не случится. Я этого не допущу.

– Но разве может человек просто так исчезнуть? – Я продолжала наблюдать за мистером Кризи, расхаживающим туда-обратно по улице. Бродил он сгорбившись, опустив плечи и уставившись на носки своих ботинок.

– Иногда людям требуется собственное пространство. – Теперь мама обращалась к плите. – Вот они и сбиваются с пути.

– Маргарет Кризи точно сбилась. – Отец перешел к спортивному разделу и зашуршал страницами, расправляя их. – Она задавала слишком много вопросов. Приставала, разглагольствовала на разные темы. Спасу от нее не было.

– Просто ей были интересны люди, Дерек. Женщина может чувствовать себя одинокой, даже если она замужем. К тому же у них не было детей.

Тут мама взглянула на меня, точно прикидывая, имеет ли это хоть какое-то значение, а затем вывалила овсянку в большую миску с пурпурными сердечками на ободке.

– Почему вы говорите о миссис Кризи в прошедшем времени? – спросила я. – Разве она умерла?

– Нет, конечно же, нет. – Мама поставила миску на пол. – Ремингтон! – окликнула она. – Мамочка приготовила тебе завтрак.

Ремингтон, шлепая лапами, вошел в кухню. Некогда он был лабрадором, но так разжирел, что теперь трудно было сказать, какой породы этот пес.

– Ничего, скоро объявится, – заметил отец.

То же самое он говорил и о соседском коте по имени Виски. Кот исчез несколько лет назад, и никто никогда его больше не видел.

Тилли поджидала меня у ворот. На ней был свитер, растянувшийся от ручных стирок, теперь он доходил ей до колен. Тилли сняла резинки с волос, но они торчали так, словно резинки еще были на ней.

– Женщину из дома восемь убили, – сообщила я.

В полном молчании мы шагали по улице. Двигались бок о бок, хотя Тилли приходилось чаще переставлять ноги, чтобы не отстать.

– А кто живет в доме восемь? – спросила она, когда мы остановились на красный свет.

– Миссис Кризи.

Я произнесла это шепотом – на тот случай, если мистер Кризи вдруг расширил круг поисков.

– Мне нравилась миссис Кризи. Она учила меня вязать. Нам ведь она нравилась, правда, Грейс?

– О, да, – ответила я. – Очень даже нравилась.

Мы перешли дорогу напротив магазина «Вулворт». Еще не было девяти, но пыльные тротуары уже раскалились от жары, и я чувствовала, как ткань одежды липнет к спине. Люди в автомобилях опустили стекла, обрывки мелодий разлетались по улице. Когда Тилли остановилась перевесить

рюкзак на другое плечо, я взглянула на витрину магазина. Она была забита сковородками и кастрюлями из нержавеющей стали.

– А кто ее убил? – Вот уже в сотый раз Тилли задавала мне вопрос именно у этой витрины.

– Никто не знает.

– Ну, а что же полиция?

Я видела среди сковородок и кастрюль отражение лица Тилли.

– Думаю, копы присоединятся к расследованию позже, – ответила я. – Ведь у полиции полно других дел.

Мы поднимались по булыжной мостовой в сандалиях, оскальзываясь на камнях. Звук при этом был такой, точно проходила целая армия. Зимой, когда дорожку покрывал лед, мы цеплялись за перила и друг за друга, но сегодня аллея простиралась перед нами точно русло реки, забитое хрустящими пакетами, высушенными водорослями и мельчайшей пылью, от которой ноги тотчас становились грязными.

– Зачем ты свитер надела? – спросила я.

Тилли всегда носила свитер. Даже в самую жуткую жарищу она натягивала рукава до кончиков пальцев, делая из них подобие перчаток. Лицо у нее было белее лепестков магнолии, как стены у нас в гостиной, и от пота на лбу каштановые волосы завивались мелкими кудряшками.

– Мама говорит, в свитере лучше, чтоб не подцепить какой заразы.

– Когда твоя мама перестанет тревожиться по пустякам? – Это почему-то всегда меня сердило, сама не знаю почему. И на этот раз рассердило еще больше, даже сандалии громче застучали по булыжнику.

– Сомневаюсь, что когда-нибудь перестанет, – ответила Тилли. – Думаю, потому, что у нее только один повод – это я. И она тревожится вдвое больше, чтобы как-то смириться со всем остальным.

– Это никуда не годится, – заметила я. Остановилась и стащила рюкзак с ее плеча. – Можешь снять свой свитер. Ничего страшного.

Она уставилась на меня. Прочесть мысли Тилли всегда было трудно. Глаза скрыты за толстыми стеклами очков в темной оправе, а выражение лица не выдает ровным счетом ничего.

– Ладно, – пробормотала она и сняла очки. Потом стащила через голову свитер, и, когда вынырнула из шерстяной ткани, лицо ее было покрыто красными пятнами. Она протянула мне свитер, я сложила его самым аккуратным образом, как делает моя мама, и перекинула через руку.

– Видишь, – сказала я, – ничего страшного не произошло. И ничего с тобой не случится. Я этого не допущу.

От свитера пахло микстурой от кашля и каким-то незнакомым мылом. Я дотащила его до школы, где мы влились в толпу других ребят.

Я знала Тилли Альберт ровно пятую часть своей жизни.

Привезли ее два лета назад, в кузове белого фургона, откуда и выгрузили вместе с сервантом и тремя большими креслами. Я наблюдала за этой сценой из окна кухни миссис Мортон, поедая булочку с сыром и прислушиваясь к прогнозу погоды для Норфолк-Бродс. Нет, мы не жили в Норфолк-Бродс, но миссис Мортон побывала там в отпуске, и ей до сих пор хотелось оставаться в курсе событий.

Миссис Мортон сидела рядом со мной.

«Посидишь с Грейс, пока я немного прилягу?» Так говорила моя мама, хотя миссис Мортон практически никогда не сидела – то вытирала пыль, то что-то пекла и не забывала при этом поглядывать в окна. В 1974 году мама то и дело норовила «прилечь», ну, и я довольно много времени проводила с миссис Мортон.

Я уставилась на белый фургон.

– Кто же это такие, интересно? – спросила я с набитым ртом.

Миссис Мортон дернула кружевную занавеску, свисавшую до середины окна с проволоки. Она раздвинулась в середине с явной неохотой – уж слишком часто ее отодвигали.

– Новые соседи прибыли, – ответила она.

– А кто они?

– Откуда мне знать. – Она еще шире раздвинула занавески. – Но мужчины я не вижу. А ты?

Я присмотрелась. Там были двое мужчин, но одеты оба

были в рабочие комбинезоны и занимались делом. Девочка, которая появилась из кузова, продолжала стоять на тротуаре. Маленькая, кругленькая и очень бледная, она была похожа издали на большой белый камешек и одета в дождевик, застегнутый до самого подбородка, хотя никакого дождя не было вот уже недели три. Она морщилась, точно вот-вот собиралась заплакать. А затем вдруг ее повело вперед и вырвало прямо на туфли.

– Гадость какая, – пробормотала я и взяла еще одну булочку с сыром.

В четыре часа Тилли сидела рядом со мной за кухонным столом.

Я притащила ее в дом, потому что она сидела на ограде напротив своего дома и была там явно не к месту. Миссис Мортон заварила чай с лопухами и одуванчиками, достала новый пакетик шоколадных печений «Пингвинс». Тогда я не знала, что Тилли не любит есть на глазах у других людей. Она так и сидела со своим шоколадным печеньем, крепко сжимая его в руке, пока подтаявший шоколад не начал просачиваться сквозь пальцы.

Миссис Мортон поплевала на салфетку и вытерла руки Тилли, хотя буквально в трех футах находился водопроводный кран. Тилли закусила нижнюю губу и отвернулась к окну.

– Ты кого там высматриваешь? – спросила я.

– Маму. – Тилли подняла глаза на миссис Мортон, которая снова принялась плевать на салфетку. – Хочу убедиться, что она не подсматривает.

– А папу не высматриваешь? – спросила миссис Мортон, явно страдающая любопытством.

– Просто не знаю, где его высматривать, – ответила Тилли и украдкой вытерла руки о юбку. – Вроде бы он живет в Бристоле.

– В Бристоле? – Миссис Мортон засунула салфетку в рукав кардигана. – А у меня в Бристоле живет кузина!

– Вообще-то, может, и в Борнмуте, – добавила Тилли.

– Вон оно как. – Миссис Мортон озабоченно нахмурилась. – А вот там у меня вроде бы никого нет.

– Нет, – эхом повторила Тилли. – И у меня тоже нет.

Летние каникулы мы с Тилли проводили за кухонным столом в доме у миссис Мортон. Через некоторое время Тилли настолько освоилась, что начала есть вместе с нами. Не спеша заталкивала в рот картофельное пюре, потом мы с ней воровали горох в саду и поедали его, выдавливая из стручков, устроившись в гостиной на ковре, застеленном газетами.

– Может, хотите «Пингвинс» или батончик? – Миссис Мортон вечно пыталась впихнуть в нас шоколад. В кладовой у нее стояла жестяная банка, полная сладостей, а своих детей не было. Кладовая напоминала извилистую пещеру, полки ломились от тяжести банок со сладким заварным кремом

домашнего приготовления и коробок со сливочными и шоколадными помадками; и в самых диких своих фантазиях я воображала, что меня заперли в этой пещере на ночь и силой закармливают до смерти восхитительными вкусностями.

– Нет, спасибо, – еле раскрывая рот, пролепетала Тилли, точно боялась, что стоит зазеваться – и миссис Мортон непременно впихнет ей что-нибудь сладкое. – Мама говорит, мне шоколада нельзя.

– Но ведь должен же этот ребенок что-то есть, – проворчала миссис Мортон чуть позже, когда Тилли скрылась за входной дверью. – Толстушка, не девочка, а маленькая бочка.

Во вторник миссис Кризи по-прежнему отсутствовала и в среду тоже не появилась, хотя в тот день должна была продавать лотерейные билеты в пользу «Британского легиона». К четвергу ее имя вырвалось за пределы садовых оград и упоминалось уже в очередях к магазинным прилавкам.

«Ну а что там слышно о Маргарет Кризи?» – спрашивал кто-то. И эта вроде бы невинная фраза выстреливала, точно стартовый пистолет.

Мой папа проводил большую часть дня на работе. Офис располагался на другом конце города, и, вернувшись домой вечером, отец разговаривал с нами. И каждый вечер мама спрашивала его, нет ли каких известий о миссис Кризи. И каждый вечер в ответ на это он тяжело вздыхал, качал головой, а затем садился в кресло под торшером в компании с

бокалом светлого эля и Кеннетом Кенделом[3].

В субботу утром мы с Тилли сидели на кирпичной стене у нашего дома, болтали ногами, точно маятники, и не сводили глаз с дома супругов Кризи. Передняя дверь там была распахнута настежь, все окна открыты – словно для того, чтоб миссис Кризи было легче вернуться, найти дорогу назад. Мистер Кризи был в гараже, доставал по одной картонные коробки, высившиеся там башнями, и копался в каждой.

– Думаешь, это он ее убил? – спросила Тилли.

– Думаю, да, – ответила я.

А затем выдержала многозначительную паузу, прежде чем выдать последнюю оглушительную новость:

– Она исчезла даже без обуви!

Тилли вытаращила глаза, как рыба пикша.

– Откуда ты знаешь?

– Женщина с почтамта сказала моей маме.

– Но твоей маме никогда не нравилась эта тетка с почтамта.

– А теперь нравится, – заявила я.

Мистер Кризи принялся за очередную коробку. Движения его становились все более хаотичными и нетерпеливыми, он вываливал содержимое и что-то бормотал.

– Не больно-то он похож на убийцу, – заметила Тилли.

---

[3] Кеннет Кендел (1924–2012) – британский радиоведущий, около 25 лет проработал на Би-би-си.

– А как именно выглядят убийцы?

– Ну, обычно они носят усы, – сообщила Тилли, – и гораздо толще мистера Кризи.

Запах раскаленного асфальта бил в ноздри. Я подтянула ноги и прижала к теплым кирпичам. Некуда было скрыться от жары. Она настойчиво врывалась каждый день, с самого утра, стоило только проснуться, и зависала в воздухе, как незаконченная фраза в споре. Она выдавливала людей с тротуаров и внутренних двориков; и вот, будучи больше не в силах вынести соседство раскаленного камня и бетона, от которых, казалось, тело начинало таять и плавиться, мы спрыгнули со стены, спасая свои жизни. Трапезы, разговоры и дискуссии обрывались на середине, довести их до конца можно было только на улице. Даже сама наша улица изменилась. На лужайках с пожелтевшей травой открылись огромные проплешины, земля на тропинках выглядела какой-то слишком мягкой. Предметы, бывшие прежде твердыми, стали теперь слишком шаткими и податливыми. Не осталось ничего прочного, надежного. Словно скрепы, до сих пор связывавшие предметы, разрушились под действием этой температуры – так говорил отец, – но на самом деле все выглядело еще более зловеще. Возникало ощущение, будто вся наша улица куда-то сдвигается и растягивается, словно пытается удрать от самой себя.

У лица Тилли летал толстый слепень, выписывая восьмерки.

– Моя мама говорит, что миссис Кризи сбежала из-за жары. – Тилли отмахнулась от назойливого насекомого ладошкой.

– Моя мама говорит, жара порой заставляет людей совершать самые странные поступки.

Я продолжала наблюдать за мистером Кризи. Все коробки он перебрал и теперь сидел на корточках в гараже, сидел неподвижно и молча в окружении мусора из прошлой жизни.

– Наверное, она права, – кивнула я.

– Мама говорит, что очень нужен дождь.

– И тут тоже, думаю, она права.

Я посмотрела на небо, которое, как океан, раскинулось над нашими головами. Дождя, похоже, не будет еще дней пятьдесят шесть.

Церковь Святого Антония

27 июня 1976 года

В воскресенье мы пошли в церковь и просили Боженьку найти миссис Кризи.

Мои родители не пошли, решили немного прилечь. Но мы с миссис Мортон уселись в первом ряду, чтоб Бог лучше нас слышал.

– Думаете, это поможет? – шепотом спросила я ее, опускаясь на колени на скользкую подушку.

– Ну, во всяком случае, не повредит, – ответила та.

Большую часть того, что говорил викарий, я не понимала, но он время от времени улыбался мне, и я изо всех сил старалась держаться так, будто совсем не грешу, а проповедь меня очень заинтересовала. В церкви пахло воском и старой бумагой, к тому же здесь мы нашли убежище от палящих лучей солнца. Деревянные балки изгибались под сводами дугой, прохладная и сухая каменная кладка впитывала в себя жару и пот. И я, одетая в ситцевое платьице, даже озябла. Мы сначала расположились на скамьях поодаль друг от друга, чтобы казалось, что народу больше, чем на самом деле, но очень скоро я придвинулась поближе к миссис Мортон и ее теплому кардигану. Она протянула мне руку, я так и вцепилась в нее, хотя была уже вполне взрослой девочкой.

Слова викария эхом отдавались от камня, и это было по-

хоже на раскаты отдаленного грома.

– «И буду я найден вами, говорит Господь, и возвращу вас из плена».

Я следила за тем, как бусинка пота пробивает себе дорожку, ползет по виску миссис Мортон. В церкви запросто можно задремать, если устроиться поудобнее.

– «Я буду преследовать и гнать их мечом, голодом и чумой. Ибо они не прислушались к словам моим».

А вот эта фраза особенно привлекла мое внимание.

– «Тем, кто любит меня, я воздам; буду защищать тех, кто знает мое имя, и когда они воззовут ко мне, тотчас откликнусь».

Я смотрела на массивный золотой крест на алтаре. В нем отражались все мы: набожные и безбожники, грешники и праведники. У каждого из нас были свои причины зайти в эту церковь, сидеть и замирать в ожидании. Как это Бог умудрится ответить всем нам?

– Агнец Божий, – сказал викарий, – который взял на себя все грехи мира, помилуй нас.

Я так и не поняла толком: просим ли мы Бога найти миссис Кризи, или же просим Его простить ее за то, что бесследно исчезла.

Мы вышли во двор, залитый маслянистым блеском солнца. Оно окутывало жаром могилы, отбеливало камни и надгробные плиты, отчего имена усопших выделялись особен-

но четко. Я наблюдала за тем, как яркие лучи подползали по стене храма к витражу, фрагменты которого тут же вспыхнули и начали отбрасывать алые и пурпурные искры вверх, к безоблачному небу. Миссис Мортон обменялась рукопожатиями с важными прихожанками в шляпах. Я же принялась расхаживать по церковному двору, стараясь ступать аккуратно, чтобы случайно не потревожить чью-нибудь могилу.

Мне нравилось ощущение твердой почвы под ногами. Она была безопасная и надежная, точно все кости, зарытые здесь, заставили всю накопленную ими крепость и мудрость прорасти сквозь землю. Я проходила мимо всех этих Эрнестов, Мод и Мейбл, некогда чьих-то любимых, а ныне о них помнили лишь колокольчики, растущие у плит; и вот узенькая тропинка, аккуратно засыпанная гравием, привела меня на задний двор. Могилы здесь были очень-очень старые, камни покрыты лишайником почти до полной неузнаваемости, имена давным-давно всеми забытых людей смотрели на меня с надгробных плит, которые скособочились и склонялись к земле, точно пьяные.

Я уселась на клочок свежескошенной травы, за надгробным камнем, сплошь покрытым какими-то зелеными и синими завитками. Я знала, что дамы в шляпах склонны вести долгие беседы, а потому решила сплести венок из маргариток. И дошла до пятой маргаритки, когда задняя дверь в церковь отворилась и вышел викарий. Порыв ветра подхватил полы его облачения, ткань заполоскалась на ветру, как

белье, развешенное на веревке для просушки. Я смотрела, как он прошел через двор, выбросил пустой пакетик от чипсов в мусорку, затем вернулся к двери, снял одну туфлю и начал выбивать ее о косяк, желая избавиться от попавших внутрь клочков сена.

Уж не знаю, разрешалось нечто подобное тут у них или нет.

– Почему исчезают люди? – спросила я его из-за надгробного камня. Выбивать туфлю он не перестал, просто помедлил и обернулся через плечо.

Я поняла: он меня не видит. И встала во весь рост.

– Почему исчезают люди? – повторила я вопрос.

Викарий надел туфлю и подошел ко мне. Он был выше, чем казался в церкви, и смотрел на меня очень серьезно. На лбу прорезались глубокие толстые морщины, словно этот человек провел всю жизнь, пытаясь разгадать какую-то важную загадку. Он не смотрел на меня, взгляд был устремлен на могилы.

– По многим причинам, – выдавил он наконец.

Дурацкий ответ. Я бы и сама могла сказать то же самое, и для этого не пришлось бы просить помощи у Бога.

– Ну, например?

– Они сбиваются с пути истинного. С предназначенного свыше курса. – Он смотрел на меня, я смотрела на него, задрав голову и щурясь от солнца. – Вот и пропадают.

Я снова подумала обо всех этих Эрнестах, и Мод, и Мей-

бл.

– Или же умирают, – вставила я.

Он нахмурился и повторил мои слова:

– Или же умирают.

От викария пахло в точности так же, как и в церкви. Вера запуталась в складках его одежды, ноздри мои наполнились запахом старинных гобеленов и свечей.

– А как сделать так, чтоб люди перестали исчезать? – спросила я.

– Надо помочь им найти Бога. – Он переступил с ноги на ногу, под подошвами захрустел гравий. – Если в общине существует Бог, никто не пропадет и не потеряется.

Я подумала о нашем городке. О чумазых ребятишках, выскакивающих из домов на улицу, о пьяных спорах и драках, отзвуки которых доносились из окон. Просто представить было невозможно, что Бог проводил здесь много времени.

– А как найти Бога? – спросила я. – Где он?

– Он везде. Везде и повсюду. – Викарий широко развел руки, словно наглядно подтверждая тем самым ответ. – Просто надо искать Его.

– Ну а если мы найдем Бога, то все будет в порядке? – спросила я.

– Разумеется.

– Даже с миссис Кризи?

– Естественно.

С крыши церкви сорвалась ворона, развернула крылья и

пронеслась по воздуху со зловещим карканьем.

– Уж не знаю, как это получается у Бога, – пробормотала я. – Как это он помогает нам не исчезнуть?

– Ты ведь знаешь, что Господь – наш пастырь, Грейс. А мы всего лишь овцы. Всего лишь Его овечки. И если собьемся с пути, Господь отыщет нас и вернет домой.

Обдумывая все это, я разглядывала свои ноги. Сухие травинки застряли в носках и больно кололись, оставляя на коже красные следы.

– Почему люди обязательно должны умирать? – спросила я, но когда обернулась, увидела, что викарий уже стоит у дверей в церковь.

– Может, придешь на чаепитие в зальной церкви? – окликнул он меня.

Мне не слишком хотелось туда идти. Я предпочла бы вернуться к Тилли. Ее мама не ходила в церковь, опасаясь, что там викарий промывает всем нам мозги. Но я должна была согласиться, потому как в противном случае подвела бы Иисуса, так мне, во всяком случае, казалось.

– Ладно, – сказала я и отряхнула травинки, прилипшие к коленям.

Я шла следом за миссис Мортон по дорожке, проложенной между церковью и залом. Края дорожки густо заросли гусиной травкой, лютиками, среди них высились стебли наперстянки, ронявшей целые облака пыльцы из толстых пур-

пурных колокольцев. Ветер стих, оставил нас на растерзание сухой палящей жары, которая врезалась в кожу плеч и рук, из-за которой было трудно вымолвить даже одно слово. Мы шли гуськом – молчаливые пилигримы, влекомые к святилищу чая и печенья, все одетые в воскресные платья и украшенные блестящими капельками пота.

Вот мы дошли до автостоянки, и я увидела Тилли, она сидела на ограде. Кожа блестела – она была намазана кремом от загара с головы до ног. На голове у Тилли красовалась непромокаемая шапочка.

– Другой дома просто не нашлось, – пояснила она.

– Вроде бы твоя мама не хочет, чтоб ты увлеклась религией? – спросила я, протягивая ей руку.

– Мама ушла раскладывать товар по полкам в кооперативном магазине, – ответила Тилли и тяжело спрыгнула на землю с кирпичной кладки.

Зальная церковь являла собой низкое белое здание, расположившееся в самом конце дорожки. Смотрелось оно здесь как-то неуместно, словно архитектор долго раздумывал, куда бы его приткнуть, и никак не мог решить. Внутри позвякивали чашки и блюдца, приготовления были в разгаре. По паркету бодро стучали каблучки, в углу высились гигантские кипятильники из нержавеющей стали, они шипели и плевались паром.

– Я буду «Боврил»[4], – сказала Тилли.

---

[4] «Боврил» – фирменное название пасты из говядины для приготовления бу-

Я покосилась на миссис Мортон – она заказывала нам напитки в другом конце комнаты. Раннее вдовство заставило ее устраивать жизнь на объедках с чужих столов; она пекла, вязала, всегда была готова услужить и постепенно стала для всех незаменимой. Интересно, подумала я, какой бы была миссис Мортон, не уйди из жизни ее муж так рано. Если бы мистер Мортон, сидевший тогда за рулем, не стал бы, пригнувшись чуть ли не к самому полу у сиденья, искать радиоволну, на которой выступали «Нью Сикерс»[5], то не влетел бы прямиком в отбойник на трассе М4. Люди перешептывались, будто с ним была пассажирка, женщина, которая появилась на похоронах в черном платье до пят и с алой помадой на губах, и она так громко, просто до неприличия, рыдала, что служке пришлось вывести ее из церкви. Я ничего этого не помнила. Была еще слишком мала. Я знала и запомнила миссис Мортон именно такой, как сейчас: в твиде, чистенькой и аккуратной, и тарахтящей без умолку, словно морская галька, стучащая в пустой коробке, одинокой, хотя в этой жизни все устраиваются парами.

– «Боврил». – Миссис Мортон протянула чашку Тилли. Мы обе понимали, что пить она этого не будет, но делали вид, что все в порядке, даже когда Тилли поднесла чашку к губам и от пара затуманились ее очки.

– А вы верите в Бога, миссис Мортон? – спросила я.

тербродов и бульонов.

[5] «Нью Сикерс» – австрало-английская поп-группа, образовалась в 1964 г.

Мы с Тилли с нетерпением ждали ответа.

Она заговорила не сразу, подняла взгляд к потолочным балкам, словно искала ответ именно там.

– Верю в то, что люди не должны задавать дурацкие вопросы воскресным утром, – ответила она наконец и пошла искать туалет.

Зал постепенно наполнялся людьми. Мне показалось, что народу здесь собралось куда больше, чем в церкви, и среди нарядных воскресных платьев мелькали джинсы. Похоже было, что Иисус может собрать куда большую аудиторию, стоит только предложить публике печенье. Были здесь и жители нашей улицы – Форбсы и мужчина, который постоянно стриг газон на своей лужайке, и женщина из углового дома, которая заявилась в сопровождении целой кучи ребятишек. Они цеплялись за ее юбку, липли к ногам, и я заметила, как она сует печенья в карман этой самой своей юбки. Все стояли с газетами, сдвинув солнечные очки на лбы, а в углу чей-то рыжий шпиц затеял свару с колли. Люди говорили о нехватке воды, о Джеймсе Каллагане[6] и о том, вернется ли домой миссис Кризи. Она так до сих пор и не вернулась.

И ни один из них ни словом не упомянул об Иисусе.

Если честно, думаю, что, если б даже Иисус в этот момент вошел в зал, никто бы его не заметил. Ну, разве что он принес бы с собой рулет-мороженое под названием «Арктиче-

---

[6] Джеймс Каллаган – премьер-министр Великобритании (1976–1979), представитель партии лейбористов.

ский ролл».

– А ты веришь в Бога? – спросила я Тилли.

Мы с ней устроились в уголке на синих пластиковых стульях. Прохладные сиденья стерли пот с нашей кожи. Тилли все принюхивалась к своему «Боврилу», я прижала колени к животу, прикрылась ими, точно щитом. В отдалении стояла миссис Мортон, зажатая между столиком и двумя крупными женщинами в цветастых фартуках.

– Наверное, – ответила Тилли. – Думаю, это Бог меня спас, когда я лежала в больнице.

– С чего ты взяла?

– Мама просила Его об этом каждый день. – Тилли, хмурясь, уставилась в чашку с бульоном. – Ну и перестала просить, когда мне стало лучше.

– Ты никогда мне об этом не рассказывала. Всегда говорила, что была совсем маленькая и ничего не помнишь.

– Помню, – пробормотала она. – И еще помню, что тогда было Рождество и что нянечки и сестры вплели в волосы мишуру. Больше ничего не запомнила.

Она не запомнила. А ведь я спрашивала ее много раз. Детям лучше не знать всех фактов, она сама всегда так говорила, и слова эти всегда вылетали у нее изо рта курсивом.

Когда впервые сказала мне об этом, как бы между прочим, то выбросила эти слова с видом полного безразличия, точно игральную карту на стол. Прежде я никогда не встречала

человека, который едва не умер, и это с самого начала дико интересовало меня. Вскоре мой интерес еще усилился. Мне хотелось знать все подробности, мельчайшие детали и хитросплетения – очевидно, чтобы выстроить защиту. Словно, узнав правду, можно спастись от смерти. Если б я сама чуть не умерла, то запомнила бы все и тут же рассказала, но Тилли почему-то помнила только какие-то мелочи и еще что у нее было что-то не так с кровью. Но этого было явно недостаточно – даже если б я связала все слова вместе, как в молитве.

После того как она мне это рассказала, я сделалась тайным союзником ее мамаши по части наблюдения за дочкой. За Тилли неотступно наблюдали, пока мы с ней бегали под безоблачным августовским небом; запыхавшись, я бросала на нее взгляд через плечо, посмотреть, поспевает ли она за мной. От палящих лучей солнца ее защищал зонт моего отца с поля для гольфа; основная задача сводилась к тому, чтобы держаться как можно дальше от обочин дороги и трещин на тротуаре. А когда сентябрь приносил с собой туман и дожди, ее усаживали так близко к газовой плите, что ноги покрывались красными пятнами.

Я наблюдала за ней постоянно, оберегала, а она ни о чем не догадывалась. С виду я ничем не выражала беспокойства; ни словом не упоминала о тайных опасениях, что единственную подругу могут отнять у меня лишь по той причине, что я не проявила должной бдительности.

Нестройный шум в зале перешел в ровный рокот голосов. Машина работала, неспешно набирала скорость на жаре, подпитывалась бесконечными сплетнями и пересудами, и мы уставились в самое сердце этого двигателя, состоящее из перегретой плоти и множества ног. Перед нами стоял мистер Форбс. Он проплыл через толпу, держа вишневый пирог над головой, и теперь собирался поделиться с нами своим мнением. Его рубашка на груди пропиталась потом.

– Он проснулся в понедельник утром, а жены и след простыл. Исчезла.

– Сказки для нищих, – заметил Эрик Лэмб. К нижней части его брюк все еще липли сухие травинки.

– Живите моментом, вот что я вам скажу, – откликнулся мистер Форбс и, словно в подтверждение своих слов, пронес тарелку с еще одним куском вишневого пирога над головами.

Миссис Форбс молчала. Шаркала подошвами сандалий по паркету в елочку и крутила чайную чашку на блюдце. Лицо у нее словно скукожилось от волнения.

Быстро расправляясь с вишневым пирогом, мистер Форбс окинул супругу критическим взглядом.

– Да прекрати ты терзаться по этому поводу, Дороти. Это не имеет к делу ни малейшего отношения.

– Все имеет к этому отношение, – возразила она. – Я просто знаю, и все тут.

Мистер Форбс покачал головой.

– Ну хоть ты скажи ей, Эрик. Она меня не слушает.

– Все это давно в прошлом. И дело тут в чем-то другом. Просто небольшая размолвка, вот и все, – сказал Эрик Лэмб. Мне показалось, голос его звучит мягко и утешительно, но миссис Форбс продолжала шаркать, пряча свои мысли за хмурой гримасой.

– Или жара всему виной, – заметил мистер Форбс, похлопывая себя по животу – Он словно желал убедиться, что вишневый пирог благополучно достиг места назначения. – В такую погоду люди порой совершают самые странные поступки.

– Точно, – кивнул Эрик Лэмб. – Это все из-за жары.

Миссис Форбс перестала крутить чашку, подняла глаза. На губах ее играла еле заметная улыбка.

– И мы сильно облажаемся, если это не так, верно? – спросила она.

Все трое замерли в молчании. Я видела, как они обменялись взглядами, затем мистер Форбс смахнул крошки с губ тыльной стороной ладони. Эрик Лэмб не говорил ни слова. Когда взгляды присутствующих обратились к нему, он уставился в пол, избегая их.

Через некоторое время миссис Форбс заметила: «В чае не хватает молока», – развернулась и исчезла в толпе.

Я похлопала Тилли по руке, отчего из голубой пластиковой чашки у нее выплеснулось немного бульона.

– Ты слышала? – спросила я. – Миссис Форбс сказала, что

все они облажаются…

– Не слишком-то приличное выражение для церкви. Я права? – заметила Тилли, которая так и не сняла непромокаемую шапочку. Затем она вытерла пятно от бульона краем рукава. – Последнее время эта миссис Форбс ведет себя довольно необычно.

Что правда, то правда. Я сама накануне днем видела, как она расхаживает по садику перед домом в ночной рубашке и разговаривает о чем-то с цветочными клумбами.

Всему виной жара, так сказал мистер Форбс, уводя жену в глубину зала с недопитой чашкой чая и журналом «Радио таймс».

– Почему это люди сваливают все на жару? – спросила Тилли.

– Так проще, – ответила я.

– Проще, чем что?

– Проще, чем назвать истинные причины.

В зале появился викарий.

Мы поняли, что он вот-вот придет, еще до того, как увидели его, поскольку разговоры в помещении начали стихать, перешли в деликатное покашливание. Викарий прорезал толпу, и она снова смыкалась позади – так поверхность моря смыкается за кораблем. Он плавно перемещался в своем облачении, как бы очерчивая круг неподвижности, отчего каждый, к кому он приближался, начинал казаться излишне

активным, даже истеричным. Люди выпрямлялись, когда он пожимал им руки. Я увидела, как миссис Форбс изобразила нечто вроде реверанса.

– О чем он говорил сегодня в церкви? – спросила Тилли, пока викарий обходил присутствующих.

– Сказал, что Господь гоняется за людьми с ножами, если они не слушаются его должным образом.

Тилли снова понюхала свой бульон.

– Вот уж не знала, что Бог на такое способен, – заметила она после паузы.

Порой мне стоило немалых усилий оторвать от нее взгляд. Она казалась почти прозрачной, хрупкой как стекло.

– Еще он сказал, что, если мы найдем Бога, он всегда нас защитит.

Тилли приподняла голову. На кончике носа у нее красовалась полоска от крема против загара.

– Как думаешь, Грейси, кто-нибудь еще у нас исчезнет?

Я вспомнила о надгробных плитах, и миссис Кризи, и лужайках с пожелтевшей травой в проплешинах.

– Неужели только Бог нас хранит? Разве без него мы не в безопасности? – не унималась она.

– Ну, не знаю, не уверена. Я еще толком не разобралась.

Я наблюдала за ней и перебирала все свои опасения, как бусины ожерелья.

Викарий завершил обход зала и тотчас исчез – словно по-

мощник фокусника скрылся за занавесом сцены. Снова загудели голоса, поначалу тихие, не слишком уверенные, но постепенно они становились все громче, и вот речь снова пошла о нехватке воды и таинственном исчезновении соседки.

Наверняка все эти сплетни и домыслы продолжались бы до тех пор, пока люди не разошлись по домам, чтобы наесться брюссельской капусты, но в этот момент сквозь двойные двери в помещение вдруг ворвался мистер Кризи и промаршировал через весь зал. Тотчас воцарилась полная тишина, и единственными звуками, нарушавшими ее, было позвякиванье чашек о блюдца да приглушенный стук локтя в бок соседу.

Он остановился перед мистером Форбсом и Эриком Лэмбом, лицо его было искажено от гнева. Позже Тилли говорила: в тот момент ей показалось, что он вот-вот кого-нибудь ударит, но, на мой взгляд, запала для мордобоя у него оказалось недостаточно.

Несколько секунд он молча и вопросительно смотрел на эту пару, потом спросил:

– Это ведь вы ей рассказали, да?

То был крик души, но произнес он эти слова яростным шепотом, брызгая слюной.

Мистер Форбс отошел от толпы и отвел мистера Кризи в сторонку, к стене. Я слышала лишь отдельные его слова: «Господи», «да успокойся ты» и «ради бога», а потом вполне отчетливо уловила:

– Мы ничего ей не говорили.

– Тогда почему она вдруг сорвалась с места и ушла? – спросил мистер Кризи. Похоже, гнев обездвижил его, лишил каких-либо сил, превратил в статую, застывшую на месте. И лишь покрасневшие грудь и шея, видневшиеся из-под расстегнутой рубашки, свидетельствовали о том, что это живой человек.

– Не знаю, – пробормотал в ответ мистер Форбс. – Если она что и узнала, то точно не от нас.

– Мы не такие дураки, – подхватил Эрик Лэмб. Оглянулся через плечо на море чайных чашек и любопытных глаз. – Давай-ка выйдем отсюда, друг. Позволь нам угостить тебя выпивкой.

– Не нужна мне ваша чертова выпивка, – точно змея прошипел мистер Кризи. – Мне нужно, чтобы жена вернулась.

Но выбора у него не было. Они вывели его из зала, точно тюремные надсмотрщики.

Я взглянула на миссис Форбс.

Она долго не сводила глаз с закрывшейся за ними двери.

Дом номер четыре, Авеню

27 июня 1976 года

Все улицы в нашем городке носят названия деревьев, и мы с Тилли, выйдя из зальной церкви, направились по аллее, отделявшей Платановую от Кедровой. По обе стороны от нас было развешено на просушку белье. Растянутое, точно паруса, над безлюдными садиками, оно томилось в ожидании хотя бы слабого дуновения ветерка, и, пока мы проходили мимо, капли воды звучно шлепались на бетонные плиты дорожки.

Тогда мы еще не знали, что даже много лет спустя люди будут вспоминать это лето, что каждый особенно жаркий день будут сравнивать с этим. А те, кто пережил это пекло, будут лишь качать головой и улыбаться, услышав от других жалобы на слишком высокие температуры. То было лето освобождения. Лето хопперов[7] и «Танцующей королевы»[8], лето, когда Долли Партон[9] умоляла Джолин[10] не отбирать у нее возлюбленного; все мы смотрели на поверхность Марса и чувствовали себя такими маленькими. Мы по очереди мы-

---

[7] Хоппер – резиновый шар с ручками, которые позволяют сидеть на нем или прыгать, но не падать.

[8] «Танцующая королева» – песня ансамбля «АББА».

[9] Долли Партон (р. 1946) – американская кантри-певица и киноактриса.

[10] «Джолин» – песня, автором и исполнителем которой является Долли Партон.

лись в ванне в одной и той же воде, чайник заполняли лишь наполовину, а воду в туалете разрешалось спускать лишь в тех случаях, которые миссис Мортон деликатно называла «особыми». Проблема заключалась вот в чем: все домочадцы сразу понимали, когда у тебя имел место «особый случай», и это как-то смущало. Миссис Мортон объявила, что пора прекратить игры с ведрами и шлангами во дворе; мало того, она вошла в группу добровольцев, докладывающих о соседях, которые осмеливались поливать садики по ночам, в темноте. (Сама миссис Мортон использовала для поливки лишь воду, оставшуюся после стирки, что не возбранялось.) «Все наладится, если мы будем действовать дружно и слаженно» – так она говорила. Но я знала, что это неправда, потому как в отличие от всех пожелтевших газонов травка у дома мистера Форбса была подозрительно ярко-зеленой.

Я слышала за спиной голосок Тилли. Он барабанной дробью отскакивал от выбеленных солнцем деревянных плашек штакетника, что тянулся по обе стороны от тропинки.

– Что ты думаешь? – спрашивала она.

Она все это время, с Соснового переулка, возвращалась к словам мистера Кризи, пытаясь сформировать какое-то мнение.

– Думаю, мистер и миссис Форбс как-то замешаны в этом деле, – выпалила я в ответ.

Она догнала меня, мелко перебирая ногами, прежде чем

я успела договорить.

– Ты что же, думаешь, ее убили именно они?

– Думаю, они убили ее все вместе.

– Что-то не очень они похожи на убийц, – буркнула она. – Мама считает этих Форбсов слишком старомодными.

– Нет, они вполне современные. – Я нашла палку и начала водить ею по штакетнику. – У них даже сифон имеется.

Вообще мама Тилли всех считала старомодными. У нее были длинные модные серьги, она пила кампари и носила одежду из марлевки или газа. В холодную погоду она надевала несколько слоев этой одежды, отчего становилась похожей на кокон.

– Мама говорит, мистер и миссис Форбс очень любопытные.

– Ну, уж кому, как не ей, знать, – согласилась я.

Все задние двери в домах были открыты для проветривания, до нас доносился запах теста и противней. Даже при температуре под девяносто градусов на плитах варилась брюссельская капуста, соус капал и образовывал лужицы на полных тарелках с едой.

– Ненавижу воскресенья, – пробормотала я.

– Почему? – Тилли тоже подняла палку и принялась водить ею по штакетнику следом за мной.

Сама Тилли ничего не ненавидела.

– Просто это день перед понедельником, – ответила я. – И он всегда какой-то пустой.

– Скоро каникулы. Целых шесть недель у нас будут одни воскресенья.

– Знаю. – Палка словно вбивала мою тоску в дерево.

– И что мы с тобой будем делать на каникулах?

Мы дошли до конца изгороди, и аллея погрузилась в тишину.

– Еще не решила, – ответила я и выпустила палку из руки.

Мы шли по Лаймовой улице, от подошв сандалий отскакивала щебенка и весело разлеталась во все стороны. Я подняла голову, но солнечный свет отражался от машин и оконных стекол и слепил глаза. Я сощурилась и попробовала снова.

Тилли ничего не заметила, а вот я сразу же увидела их. Целую стайку девушек в униформах, рекламирующих автомобили «Ауди» с полным приводом, – блеск на губах, руки засунуты в карманы расклешенных джинсов. Девушки стояли напротив, на углу, и не отличались ничем таким особенным, ну разве что были старше на несколько лет. Я заметила, как они оценивают наше присутствие, измеряют на глаз расстояние на тротуаре, зашарканном подошвами и с прилипшими к нему комочками жвачки. Они были для меня закладками в книге на еще не прочитанной странице, и мне не терпелось раскрыть эту книгу и поскорее прочесть.

Я знала их всех. Хоть наши жизни соприкасались лишь краешками, наблюдала за ними, и лица их были знакомы,

как моя собственная физиономия. Я старалась уловить в них хотя бы искорку узнавания, но напрасно. Даже когда посылала им взглядом молчаливый сигнал. Даже когда замедлила шаг и почти остановилась. Тилли шла впереди, расстояние между нами увеличивалось, а многозначительные взгляды девиц, казалось, прожигали мне спину. Я не знала, куда деть руки, а потому обхватила ими себя за талию и пыталась ступать как можно тише.

Тилли поджидала меня на углу.

– Ну, что будем делать? – спросила она.

– Не знаю.

– Может, к тебе зайдем?

– Ну… можно.

– Чего это ты так разговариваешь?

– Сама не понимаю. – Я расцепила руки.

Тилли улыбнулась, я улыбнулась в ответ, хотя по-прежнему ощущала тревогу.

– Погоди, – сказала я подруге. Стащила с ее головы непромокаемую шапочку и нацепила на себя.

Она тут же звонко расхохоталась и потянулась забрать назад шапочку.

– Некоторые люди вообще не носят никаких шапок и шляп, Грейси, – сказала она. – Им они просто не к лицу. Так что отдай.

И вот мы взялись за руки и зашагали к дому. Шли мимо одинаковых лужаек, мимо похожих, словно начертанных под

копирку линий чужих жизней, мимо длинных рядов домиков с террасами, которые, будто наручники, соединяли совсем случайных и не подходящих друг другу людей.

И я все пыталась разобраться в этом.

Когда мы пришли домой, мама чистила картошку и разговаривала с Джимми Янгом[11]. Он пристроился в рамке на полочке у нее над головой, и она кивала и улыбалась ему, наполняя раковину картофельными очистками.

– Что-то долго тебя не было.

Я не совсем понимала, с кем она говорит, со мной или с Джимми Янгом.

– Мы были в церкви, – ответила я.

– Ну и как? Понравилось?

– Не очень.

– Вот и славно, – заметила она и выловила очередную картофелину из грязных очистков.

Тилли с трудом сдерживала смех, он так и клокотал у нее под джемпером.

– А где папа? – Я достала из холодильника два сырных треугольничка и высыпала на тарелку пакетик чипсов «Кваверс».

– Пошел за газетой, – ответила мама и еще энергичнее принялась за картошку. – Скоро вернется.

---

[11] Джимми Янг (1948–2005) – американский боксер, выступавший в тяжелом весе.

– В паб пошел, – прошептала я на ухо Тилли.

Затем развернула сырный треугольник, а Тилли сняла свою непромокаемую шапочку. И мы принялись слушать «Братство людей»[12] и наблюдать за тем, как моя мама расправляется с картошкой.

Под музыку «Сбереги все поцелуи для меня» мы с Тилли принялись делать танцевальные движения руками.

– А ты веришь в Бога? – спросила я маму, когда пластинка закончилась.

– Верю ли я в Бога? – Движения ее замедлились, мама уставилась в потолок.

Я никак не могла понять, почему все смотрят вверх, когда я задаю этот вопрос. Точно ждут, что Бог вдруг явится в облаках и подскажет им правильный ответ. Если так, то в данном случае Бог подвел маму, и мы все еще ждали от нее ответа, когда через заднюю дверь в кухню вошел отец без всякой газеты и с отражением пребывания в баре «Британский легион» в глазах.

Он сразу обнял мать, облепил ее, точно простыня.

– Как поживает моя красавица женушка? – спросил он.

– Теперь не до этих глупостей, Дерек, – ответила мама. И утопила в кастрюле еще одну картофелину.

– И две мои любимые девочки? – пробормотал он. И взъерошил нам волосы, что было ошибкой с его стороны,

---

[12] «Братство людей» – британская поп-группа, победившая на конкурсе «Евровидение» в 1976 г.

потому как у Тилли и у меня не того рода волосы, которые можно успешно взъерошить. У меня слишком блондинистые и своевольные, а у Тилли слишком плотные кудряшки.

– Останешься с нами на ленч, Тилли? – спросил отец.

Говоря это, он склонился над ней и снова потрепал по кудряшкам. Когда Тилли заходила к нам, он превращался в родителя из мультфильмов. Видимо, старался заполнить пустоту в жизни Тилли, которой по-настоящему никогда не существовало, а своим поведением лишь достигал обратного эффекта, напоминал девочке о пустоте.

Тилли собралась было ответить, но он уже сунулся в холодильник.

– Видел Тощего Брайана в «Легионе», – обратился он к маме. – Догадайся, что он мне сказал.

Мама молчала.

– Эта старуха, что живет в самом конце Шелковичного проезда, ну, ты ее знаешь?

Мама кивнула картофельным очисткам.

– Так вот, в прошлый понедельник ее нашли мертвой.

– Она была совсем старенькая, Дерек.

– Суть в том, – заметил папа, доставая из холодильника плавленый сырок и разворачивая, – что вроде бы тело пролежало там целую неделю и никто ничего не заметил.

Мама подняла голову. Мы с Тилли уставились в тарелку с чипсами, стараясь, чтобы взрослые не замечали нашего присутствия.

– Да и когда бы еще обнаружили, – добавил отец, – если б не этот жуткий за…

– Почему бы вам, девочки, не пойти погулять? – предложила мама. – Я вас позову, обед уже скоро.

Мы уселись у стенки, прижались спинами к кирпичам в том месте, где падала узкая полоска тени.

– Фэнси умирает, и никто этого не замечает, – проговорила Тилли. – Как-то не по-божески.

– Викарий говорит, что Бог повсюду, – сказала я.

Тилли хмуро смотрела на меня.

– Повсюду. – И я развела руками для пущей наглядности.

– Тогда почему его не было в Шелковичном проезде?

Я смотрела на строй подсолнечников в дальнем конце сада. Мама посадила их прошлой весной, а они уже переросли ограду и заглядывали в сад к Форбсам, эдакие цветы-шпионы.

– Ну, не знаю, – пробормотала я. – Может, был где-то в другом месте.

– Надеюсь, что меня хватятся, когда я умру, – сказала Тилли.

– Ты не умрешь. Никто из нас не умрет. Ну, до тех пор, пока не состаримся. До тех пор, пока люди от нас не начнут этого ждать. Бог будет присматривать за нами все время. И ничего не случится.

– Но за миссис Кризи, видно, не присматривал. Вот и слу-

чилось.

Я наблюдала, как между цветками подсолнечника летают толстые шмели. Обследуют каждый цветок, ныряют в самую сердцевину, роются там, что-то ищут, потом появляются на свет божий густо перепачканные желтой пыльцой и опьяненные своим успехом.

И все мне вдруг стало ясно.

– Знаю, чем мы с тобой займемся на каникулах, – сказала я и вскочила на ноги.

Тилли смотрела на меня снизу вверх. Щурясь и прикрывая глаза ладошкой от солнца.

– Чем?

– Будем стараться, чтобы все люди были в безопасности. И попытаемся вернуть миссис Кризи.

– Но как это сделать?

– Пойдем искать Бога, – ответила я.

– Мы? Искать?

– Да, – кивнула я. – Именно мы. И начнем здесь и сейчас, прямо с этой улицы. И я не сдамся, пока мы не отыщем Его.

Я протянула Тилли руку. Подруга ухватилась за нее, и я рывком подняла ее на ноги.

– Ладно, Грейси, – сказала она.

Потом надела свою непромокаемую шапочку и улыбнулась мне.

Дом номер шесть, Авеню

27 июня 1976 года

В понедельник шла программа «Вас хорошо обслужили?», во вторник – «Хорошая жизнь», ну и в субботу – шоу «Игра поколений». Хоть убей, но Дороти не понимала, что смешного находят люди в этом Брюсе Форсайте[13].

Она пыталась устраивать себе нечто вроде тестов во время мытья посуды. Эти занятия отвлекали от того, что произошло в церковном зале, помогали забыть о страшном взгляде Джона Кризи и волне удушья в груди.

Понедельник, вторник, суббота. Обычно ей нравилось мыть посуду. Нравилось ухаживать за садом и ни на чем особо не зацикливаться, но сегодня на оконное стекло давила страшная жара, и ей казалось, что она смотрит на улицу из гигантской раскаленной печи.

Понедельник. Вторник. Суббота.

Она все еще помнила, хоть и не решалась признаться себе в том. Все крутилось вокруг журнала «Радио таймс»[14].

Гарольд страшно раздражался, если она спрашивала его о чем-то не один, а несколько раз.

«Попробуй держать все это в голове, Дороти», – говорил

---

[13] Брюс Форсайт (р. 1928) – британский актер и телеведущий развлекательных программ.

[14] «Радио таймс» – британский еженедельник с программами радио и ТВ.

он ей.

Когда Гарольд сердился, раздражение заполняло всю комнату. Такое могло произойти и в гостиной, и в хирургическом отделении. Он был способен заполнить раздражением даже целый супермаркет.

Она изо всех сил старалась не забывать, держать все в голове.

Впрочем, иногда отдельные слова ускользали из памяти. Прятались за другими словами, старались не высовываться, а затем проваливались куда-то в самую глубину сознания, прежде чем она успевала ухватить их.

«Я не могу найти свои…» – начинала она, и Гарольд выстреливал подсказками, точно пулями.

«Ключи?» «Перчатки?» «Кошелек?» «Очки?» И от этого слово, которое она старалась вспомнить, проваливалось еще глубже.

«Мягкие игрушки», – ответила она однажды, желая рассмешить его.

Но Гарольд не развеселился. Он лишь уставился на жену с таким видом, точно она без разрешения вмешалась в чей-то разговор. А потом вышел через заднюю дверь, тихо притворил ее за собой и принялся стричь газон на лужайке. И тишина наполнила комнату с еще большей силой, чем раздражение.

Она сложила кухонное полотенце и повесила на край сушилки.

Гарольд не сказал ни слова с тех самых пор, как они вернулись из церкви. Они с Эриком увели Джона Кризи куда-то – одному Богу ведомо, куда именно – и она даже не осмелилась спросить; а потом сел в кресло и стал читать газету в полном молчании. И обед съел молча. Испачкал соусом рубашку тоже в полном молчании, а когда она спросила, не подать ли ему на десерт мандариновые дольки с молоком «Идеал», отделался коротким кивком.

И когда она поставила перед ним тарелку, он произнес единственную фразу за весь день:

– Персиковые дольки, Дороти.

Это случалось с ней снова и снова. Должно быть, корень зла таился в семье, где-то она об этом читала. Ее мать тоже закончила подобным образом: ее частенько встречали в шесть утра бредущей по улице (почтальон, в ночной рубашке), она совала разные предметы куда ни попадя и потом не могла их найти (домашние тапочки в хлебницу). «Совсем съехала с катушек» – так говорил о ней Гарольд. Она была примерно в возрасте Дороти, когда начала терять разум, хотя Дороти всегда казалось, что «терять разум» – весьма странное выражение. Точно твой разум могли переместить куда-то в другое место, как связку ключей от дома или же джек-рассел-терьера. Скорее всего, в том виновата ты сама, поскольку проявила преступную беспечность.

Через несколько недель ее мать поместили в психиатрическую лечебницу. Все произошло как-то очень быстро.

Это для ее же блага, считал Гарольд.

Он повторял это всякий раз, когда они ее навещали.

Съев персики, Гарольд улегся на кушетку и уснул, хотя как можно спать в такую жарищу, было выше ее понимания. Он все еще находился там, живот вздымался и опускался, когда он переворачивался во сне с боку на бок, храп вторил тиканью кухонных часов, и уже было ясно, чем закончится для них этот день.

Дороти собрала остатки еды, выбросила их в мусорное ведро, крышка которого поднималась при нажатии педали. Единственная проблема потери разума сводилась к тому, что воспоминания, от которых хотелось избавиться, оставались при ней. Воспоминания, от которых действительно хотелось отмахнуться в первую очередь. Ступня стояла на педали, а она все смотрела в мусорное ведро. Неважно, сколько листов бумаги ты исписала, сколько раз перечитала «Радио таймс», неважно, сколько раз повторяла слова, снова и снова пытаясь обмануть людей, – воспоминания, которые отказывались уходить, плотно застряли в голове, а это последнее, чего ей хотелось.

Она полезла в ведро и вытащила застрявшую среди картофельной кожуры жестянку. Тупо уставилась на нее.

– Это персики, Дороти, – сообщила она вслух в пустой кухне. – Персики.

Она почувствовала, что плачет, прежде чем слезы успели навернуться на глаза.

– Проблема в том, Дороти, что ты слишком много думаешь. – Гарольд не отводил глаз от экрана телевизора. – А это вредит здоровью.

Вечер немного укротил солнце, гостиная наполнилась золотистыми отблесками. В них буфет приобрел насыщенный оттенок бренди, остальные отсветы прятались в складках штор.

Дороти смахнула воображаемую пушинку с рукава кардигана.

– Об этом трудно не думать, Гарольд. Особенно с учетом обстоятельств.

– Но тут дело в другом. Она взрослая женщина. Скорее всего, они с Джоном просто поцапались, вот она и ударилась в бега, чтоб преподать мужу хороший урок.

Дороти покосилась на мужа. Свет, падающий из окна, придавал его лицу золотисто-розовый оттенок марципана.

– Надеюсь, ты прав, – пробормотала она.

– Ну, разумеется, прав. – Взгляд Гарольда по-прежнему был прикован к телевизионному экрану, она даже видела, как мелькают отблески в его глазах при смене картинки.

Показывали «Сделку века»[15]. Ей следовало бы хорошенько подумать, прежде чем отрывать Гарольда от созерцания Николаса Парсонса. Она могла бы попытаться продолжить разговор во время перерыва на рекламу, но слов на ум при-

---

[15] «Сделка века» – игровое шоу, шло на британском телевидении с 1971 по 1983 г., ведущий Николас Парсонс.

ходило слишком много. Так и рвались наружу.

– Дело в том, что я видела ее. За несколько дней до исчезновения. – Дороти откашлялась, хотя до этого говорила вполне звонко. – Она заходила в дом номер одиннадцать.

Гарольд в первый раз за все это время посмотрел на жену:

– Тогда ты мне ничего не сказала.

– Ты не спрашивал, – отозвалась она.

– Интересно, что ей там понадобилось? – Он резко развернулся, очки упали с подлокотника кресла. – И что они могли сказать друг другу?

– Понятия не имею. Но ведь это не просто совпадение, верно? Она точно говорила с ним, а через несколько дней после этого вдруг исчезла. Должно быть, он сказал ей что-то такое…

Гарольд смотрел в пол, Дороти ждала, когда он разделит ее опасения. Из стоявшего в углу телевизора доносился громкий смех, заполняя всю гостиную.

– Я одного не понимаю, – заметил Гарольд. – Как он вообще может оставаться на нашей улице после всего, что произошло? Он должен бы съехать отсюда.

– Но, Гарольд, мы ведь не можем диктовать людям, где им следует жить.

– Ему здесь не место.

– Он прожил в доме номер одиннадцать всю свою жизнь.

– Но после того, что он сделал…

– Да ничего он такого не делал. – Дороти уставилась на

экран, избегая смотреть в глаза Гарольду. – Так говорят.

– Знаю, что там говорят.

Она слышала, как он дышит. Волны жаркого воздуха с шумом проходили через натуженные легкие. Она ждала. Но Гарольд снова развернулся лицом к телевизору, выпрямил спину.

– Ты просто поддаешься панике, Дороти. Все кончено, и забыли об этом. С тех пор уже десять лет прошло.

– Вообще-то девять, – заметила она.

– Девять, десять, какая разница! Все в прошлом. Но когда ты начинаешь говорить об этом, прошлое перестает быть прошлым и становится настоящим.

Она собирала ткань юбки в мелкие складки, потом разжала пальцы.

– Так что советую перестать психовать, женщина.

– Ничего не могу с собой поделать, – пробормотала Дороти.

– Ну, тогда ступай и займись чем-то полезным. Прими ванну.

– Я принимала ванну. Утром.

– Тогда иди и прими еще раз, – скомандовал он. – Ты сбиваешь меня с мысли, мешаешь слушать вопросы.

– А как же экономия воды, Гарольд?

Но тот не ответил. Вместо этого начал ковыряться во рту зубочисткой. Дороти слышала это. Даже голос Николаса Парсонса не мог заглушить.

Она пригладила волосы, расправила юбку. Глубоко вздохнула, чтобы подавить очередную фразу, готовую вырваться из ее рта, потом поднялась и вышла из комнаты. Но перед тем, как закрыть за собой дверь, обернулась.

Гарольд отвернулся от экрана и смотрел в окно. Смотрел сквозь кружевные занавески через садики и мостовую на дверь дома под номером одиннадцать.

Очки так и остались лежать на полу у его ног.

Дороти точно знала, где спрятала жестянку.

Гарольд никогда не заходил в гостевую спальню в задней части дома на втором этаже. И она превратила эту комнату в кладовую. Некое подобие зала ожидания для вещей, которые больше не нужны, но с которыми она была не в силах расстаться. Муж говорил, что при одной только мысли об этом у него начинается головная боль. Шли годы, вещей становилось все больше. Теперь прошлое забивало все углы и почти достигало потолка. Оно тянулось по подоконнику, громоздилось на полу, и Дороти запросто могла поднять и подержать в руках каждый предмет. Иногда одних воспоминаний недостаточно. Иногда ей нужно было прикоснуться к прошлому, чтобы убедиться: сама она является его частью.

Лето было заперто в стенах этой комнаты. Дороти оказалась в безвоздушном пространстве, в музее, набитом бумагами и пылью. И она почувствовала, что по лицу ползут капельки пота. Звуки телевизора просачивались через полови-

цы. Она отчетливо представила, как Гарольд сидит прямо у нее под ногами, отвечает на вопросы ведущего и ковыряет зубочисткой во рту.

Жестянка стояла между стопкой одеял, которые связала крючком мать Дороти, и оставшимися в корзине клубками ниток кроше. Она сразу увидела ее, еще от двери, точно жестянка дожидалась ее. Встала на колени на ковер, подтянула к себе. По краям жестянки размещались изображения печений, отчего так и подмывало заглянуть внутрь. Розовые вафли, сдобные колечки, бисквиты с прослойкой из малинового и клубничного джема. Все они, взявшись за мультяшные ручки и дрыгая мультяшными ножками, весело танцевали по ободу коробки, и Дороти так и вцепилась в нее и приподняла крышку.

Сначала попались на глаза лотерейный билет выпуска 1967 года и набор английских булавок. Здесь же хранились потускневшие от времени запонки Гарольда и несколько разных пуговиц, а также вырезка из местной газеты, сообщающая о похоронах матери.

«Мирно скончалась в своей постели», – говорилось там.

Да ничего подобного!

Но под булавками, запонками и пуговицами лежало то, за чем она и пришла. Толстые конверты со снимками фирмы «Кодак». Гарольд терпеть не мог фотографии. «Тошниловка» – так он их называл. Дороти не знала ни одного человека, кроме мужа, который бы употреблял это слово. И сним-

ков самого Гарольда было совсем немного. То его локоть на обеденном столе, то нога в брючине на лужайке. А если кому-то и удавалось поймать в фокус его лицо, на нем застывало выражение, свойственное жертве какого-нибудь нелепого розыгрыша или обмана.

Дороти порылась в конвертах. Большую часть фотографий удалось спасти из дома матери. На них были незнакомые ей люди, застывшие на белых квадратиках или прямоугольниках с обтрепанными краями. Они сидели в садах, которых она не узнавала, в комнатах, в которые никогда не заходила. Там были Джорджи, и Флори, и множество мужчин по имени Билл. Они надписывали обратные стороны снимков, возможно, в надежде на то, что если их имена будут известны, то они не сотрутся окончательно из памяти.

Было и несколько ее снимков – на нечастых рождественских праздниках, обедах, в кругу дам из клуба. На ковер упала фотография Виски, и сердце ее болезненно сжалось.

Он так и не вернулся домой.

– Подумаешь, какая-то кошка, – сказал тогда Гарольд.

В тот момент она едва не взорвалась от возмущения.

Снимок, который она искала, обнаружился на самом дне, и на нее тотчас навалился груз воспоминаний. Дороти должна была видеть это фото. Должна была убедиться. Возможно, с годами прошлое успело исказиться. Возможно, надеялась она, со временем их участие в этом тоже исказилось и замутняло теперь ее сознание. Возможно, если она снова увидит

эти лица, то поймет – никто из них ни в чем не виноват.

Все сидели за столиком в баре «Британский легион». До того, как это случилось, но она была уверена – столик тот же самый, за ним и было принято решение. Гарольд сидел рядом с ней, оба они смотрели в объектив испуганными глазами. Фотограф застал их врасплох, она прекрасно это помнила. Просто какой-то здешней газетенке понадобились снимки для статьи с «местным колоритом». За спиной у них стоял Джон Кризи, засунув руки в карманы и глядя в объектив из-под длинной «битловской» челки. Прямо перед Джоном сидел этот придурок Тощий Брайан с пинтой пива в руке, а Эрик Лэмб примостился напротив Гарольда. Шейла Дейкин сидела в самом конце ряда – густо накрашенные ресницы, дурацкий кукольный прикид.

Дороти вглядывалась в знакомые лица в надежде заметить что-то еще.

Но ничего такого не было. Все в точности такие же, как тогда, в 1967 году.

В тот год Джонсон послал еще несколько тысяч ребят умирать во Вьетнаме. В тот год Китай создал водородную бомбу, а в Израиле была Шестидневная война. Люди маршировали по улицам и выкрикивали лозунги, размахивали плакатами и верили в то, что там написано.

То был год, когда каждому предстоял выбор.

Однако так уж вышло, что тогда она не знала. Не знала, что однажды наступит день, когда она будет смотреть на се-

бя на снимке и жалеть, что не сделала другой выбор. Дороти перевернула снимок. Никаких имен на обратной стороне. После всего, что произошло, ни один из них не хотел, чтобы его помнили, – она была уверена в этом.

– Чем ты тут занимаешься?

Обычно Гарольд не подкрадывался столь бесшумно. Дороти отвернулась и торопливо засунула снимок за пояс.

– Да так, кое-какие вещи разбираю.

Он прислонился к дверному косяку. Дороти не помнила, когда это произошло, но Гарольд явно постарел. Кожа на лице истончилась и отливала нездоровым блеском, спина сгорбленная, и вообще он весь как-то скукожился, точно медленно возвращался к зародышевой позе.

– Почему ты похоронила себя здесь, Дороти?

Она посмотрела ему прямо в глаза и прочитала в них сомнение.

– Я делаю… – пробормотала она. – Стараюсь…

– Добиться успеха? – Гарольд заглянул в комнату. – Или устроить бардак? Поставить себя в глупое положение?

– Выбор, – улыбнувшись, ответила Дороти. – Я делаю выбор.

Она не сводила с него глаз, а он вытер пот с виска рукавом рубашки.

Когда Гарольд спустился вниз, Дороти вышла на лестничную площадку и снова взглянула на снимок. И тут вдруг по-

чувствовала запах. Запах, который, казалось, жил на этой улице на протяжении нескольких недель после случившегося, и в нем отчетливо ощущался привкус декабрьского мороза. Ей показалось, что она ощущает тот же запах даже сейчас, много времени спустя. Иногда она шла по тротуару, погруженная в размышления, и этот запах возникал снова. Точно он на самом деле никогда не исчезал, точно оставался здесь с одной-единственной целью – не дать им всем забыть. Той ночью она стояла на этом же месте и наблюдала за происходящим. Она часто проигрывала всю эту сцену в уме в надежде, что, возможно, что-то изменится и она сможет выбросить происшедшее из головы. Но та ночь плотно, словно гвоздями, была вбита в ее память. Даже тогда, наблюдая за этим, она понимала, что обратного пути нет и не будет.

21 декабря 1967 года

Звуки сирен пронзают дорогу, будят улицу. Сверкают сине-красные огни, люди выглядывают из окон в ночь, прильнув к стеклам, как рыбки в аквариуме. Дороти наблюдает за всем этим с лестничной площадки. Перила впиваются в бок, когда она сильно наклоняется вперед, зато видно отсюда немного лучше. Внезапно вой сирен смолк, и пожарные высыпали из машин на улицу. Она прислушивается, но стекло заглушает голоса, и единственным звуком остается дыхание – воздух с трудом проходит через горло – да стук пульса в ее собственных висках.

Уголки стекол густо заросли ледяными узорами в виде папоротника, она всматривается в прогалины между ними. По тротуарам протянуты извивающиеся шланги, реки света отражаются на черном фоне. Вся сцена выглядит какой-то нереальной, театральной, что ли, словно некто задумал поставить спектакль прямо на улице. Напротив, через дорогу, Эрик Лэмб открывает входную дверь, натягивая на себя свитер. Потом оборачивается, что-то кричит оставшимся в доме и выбегает на улицу. Другие люди отпирают окна, толкают створки, и пар от их дыхания вырывается в темноту.

Она зовет Гарольда. Звать пришлось несколько раз, потому что спит он всегда мертвым сном. И когда, наконец, появляется, у него вид человека, которого привели в сознание с помощью электрошока. Он желает знать, что происходит, задает вопросы и кричит при этом во все горло, хоть и стоит всего в трех футах от нее. Она видит мутно-белую пленку в уголках заспанных глаз, отпечаток подушки на щеке мужа.

И отворачивается к окну. Еще больше дверей распахнулось. Еще больше людей высыпало на улицу. Привычный запах дома, отполированных подоконников и жидкого моющего средства для раковины начинает сменяться запахом дыма – так ей, во всяком случае, кажется. Дым просачивается сквозь щели и трещины, умудряется пробраться даже сквозь кирпичи.

Она снова оборачивается к Гарольду:

– Думаю, случилось что-то очень плохое.

Они выходят в сад. Через улицу их окликает Джон Кризи, но голос его тонет в реве моторов и топоте ног по асфальту. Дороти вглядывается сквозь тьму в дальнюю часть улицы. Шейла Дейкин стоит на лужайке, закрыв ладонями лицо, ветер треплет полы ее халата, подол полощется, точно флаг. Гарольд велит Дороти оставаться на месте, но пожар притягивает к себе, точно магнит, и все норовят подобраться поближе, подходят по дорожкам и тротуарам. Единственным неподвижным зрителем остается Мэй Рупер. Она так и застывает в дверях, словно перед барьером из света, шума и запаха. Но вот она делает рывок. Брайан пытается перехватить ее, когда она проносится мимо, но та словно не замечает этого.

Пожарные работают слаженно, как единый механизм, образуя цепочку. А потом вдруг раздается оглушительный звук. Взрыв. Гарольд кричит, чтобы Дороти немедленно зашла в дом, но вместо этого она отходит еще дальше. И косится на Гарольда. Тот так увлечен происходящим, что не обращает на это внимания, и она продолжает двигаться вдоль стены. Ей просто необходимо увидеть все, хотя бы на секунду. Выяснить, что же там произошло.

Она доходит до дальнего конца садика, и тут вдруг один пожарный начинает размахивать руками, оттесняет людей, точно кукол. И все скапливаются посреди улицы, стоят, тесно прижавшись друг к другу, словно ища защиты от холода.

Пожарный выкрикивает вопросы.

– Сколько человек живет в том доме?

Все отвечают одновременно, и голоса заглушаются, уносятся порывом ветра.

Пожарный всматривается в лица, затем указывает на Дерека.

– Сколько? – снова спрашивает он, стараясь выговорить это слово как можно отчетливее.

– Один, – кричит в ответ Дерек, – всего один человек. – Затем он оглядывается на свой дом, Дороти следит за направлением его взгляда. У окна стоит Сильвия с Грейс на руках. Сильвия видит их, потом отворачивается, крепко прижимая к груди детскую головку.

– Его мать живет в доме для престарелых, но он забирает ее на Рождество, – продолжает Дерек. – Так что в доме больше никого. – Но пожарный уже отбегает в сторону, слова Дерека тонут в темноте.

К небу поднимается клуб дыма, разворачиваясь, точно свиток. Потом теряется на фоне черноты, цепляется за звезды своими рваными краями, тает и исчезает вовсе. Гарольд встречается взглядом с Эриком, тот качает головой – краткое, почти незаметное движение. Дороти замечает его, но тут же отворачивается, привлеченная шумом и дымом.

Начать с того, что никто из соседей не обращает на него внимания. Слишком уж все поглощены созерцанием языков пламени, оранжевых и красных стрел, что проносятся мимо окон. Но Дороти все же замечает, первой. Она в шоке, теряет

дар речи, застывает столбом. Все пребывают примерно в том же состоянии. И вот взгляды всей группы устремлены уже не на дом одиннадцать, а на него.

Уолтер Бишоп.

Ветер проникает ему под пальто, он поднимает воротник. От ветра вздымаются спирали волос, и он пытается защитить глаза. Губы шевелятся, но слов не слышно. Хозяйственная сумка выпадает у него из руки, на тротуар и в канаву валятся пакетики и банки. Дороти подбирает их, пытается вернуть ему.

– Все думали, ты уехал вместе с матерью, – говорит она, но Уолтер ее не слышит.

От дома по улице разносятся крики, голос одного из пожарных перекрывает остальные.

– Там кто-то есть! – кричит он. – Кто-то остался в доме.

Все отворачиваются от огня и смотрят на Уолтера.

– Кто там, внутри? – Этот вопрос так и застыл у каждого в глазах, но только Гарольд задает его вслух.

Поначалу Дороти кажется, что Уолтер не слышит вопроса. Он не отрывает взгляда от клубов черного дыма, который начинает валить из окон его жилища. А когда, наконец, обретает дар речи, то говорит так тихо, чуть слышно, что все придвигаются к нему.

– Куриный суп, – говорит он.

Гарольд хмурится. Дороти видит, как на лбу у него разом обозначаются все будущие морщинки.

– Куриный суп? – Морщинки становятся все глубже.

– О, да. – Уолтер не отрывает глаз от дома под номером одиннадцать. – При гриппе ничего полезнее нет. Ужасная штука этот грипп, не правда ли?

Все дружно кивают, точно призрачные марионетки в темноте.

– Только мы добрались до отеля, как она и говорит, что заболела. Ну, и я говорю ей: «Вот что, мама, раз тебя так сильно продуло, ты должна лежать в своей постели». Ну, и мы развернулись и поехали обратно домой.

И снова все марионетки уставились на окна первого этажа дома Уолтера.

– Она теперь там, твоя мать? – спрашивает Гарольд.

Уолтер кивает.

– Не мог же я везти ее в дом престарелых в таком состоянии. Правильно? Ну вот, уложил ее в постель и пошел звонить доктору. – Он смотрит на банку, которую протягивает ему Дороти. – Хотел сказать, что собираюсь накормить ее супом, как он советовал. А в эти консервы сегодня суют так много добавок. Так что предосторожность никогда не помешает, верно?

– Да, – говорит Дороти, – предосторожность никогда не помешает.

По улице расползается дым. Дороти чувствует его привкус во рту. Он смешивается с привкусом ужаса и морозного воздуха. И она еще плотнее запахивает на груди кардиган.

Гарольд входит в кухню через заднюю дверь. Дороти понимает, что муж хочет ей что-то сказать, – он никогда не пользуется задней дверью, ну разве что в случае крайней необходимости или когда обут в резиновые сапоги.

Она отрывает взгляд от кроссворда и смотрит на него.

Он проходит мимо разделочного столика. Берет и кладет на место какие-то предметы, открывает навесные шкафчики, разглядывает посуду и вот, наконец, не выдержав, начинает говорить.

– Как это все там ужасно. – Он подвешивает керамическую кружку на подставку в виде ствола с веточками. – Просто кошмар.

– Ты там был, внутри? – Дороти откладывает ручку в сторону. – Тебя впустили?

– Полиция и пожарные не заходили туда несколько дней. И никто не говорил, что нам нельзя.

– А это безопасно?

– Наверх мы не поднимались. – Он обнаруживает пакетик бисквитов с шоколадной начинкой, который она запрятала за коробкой с бездрожжевым тестом. – Эрик считает это неуважительным в подобных обстоятельствах, ну, сама понимаешь.

Дороти тоже сочла бы это проявлением неуважения – шастать даже по нижнему этажу дома, где погиб человек. Однако проще промолчать. Если бросить вызов Гарольду, он

будет целыми днями оправдываться – все равно что открыть кран. Ей и самой хотелось туда зайти. Один раз она даже подошла к задней двери, но передумала. Это было бы неразумно, особенно с учетом всех обстоятельств. Однако самодисциплины у Гарольда не больше, чем у годовалого ребенка.

– Ну, а внизу что? – спрашивает она.

– Странная штука. – Сняв верхнюю часть бисквита, он принялся за начинку. – В прихожей и гостиной жуть что творится. Все выгорело. А вот кухня почти целехонька. Лишь несколько темных пятен гари на стенах.

– И ничего больше?

– Ничегошеньки, – подтверждает он. – Часы тикают на стене, полотенце на сушилке. Просто чудеса, не иначе!

– Вот только для его матери ничего чудесного, господь да упокой ее душу. – Дороти тянется за бумажным платком в рукаве, затем передумывает его доставать. – Никакое это не чудо, что они вернулись раньше.

– Нет. – Гарольд выбирает еще одно печенье, затем опускает его обратно в пакетик. – Хотя, наверное, она была не в себе. Наверняка этот грипп повлиял, вот и не соображала, что происходит. Даже с постели не могла подняться, поэтому он и звонил доктору.

– Что-то я никак не пойму. Почему же он не отвез ее в дом престарелых?

– Когда? Посреди ночи?

– Это спасло бы ей жизнь.

Дороти смотрит мимо Гарольда и занавесок – на улицу. После пожара она приобрела какой-то унылый серый вид потрепанного в сраженьях боевого корабля. Даже остатки рождественских украшений не могли оживить ее. Скорее напротив, они выглядели неуместно. Будто слишком старались развеселить всех и каждого, отвлечь внимание от обгорелых останков дома одиннадцать.

– Будет тебе анализировать. Слишком много думаешь, вот и начинаешь путаться, – говорит Гарольд, не сводя глаз с жены. – Причина ясна: или непотушенная сигарета, или искорка от камина. На этой версии они и остановились.

– И это после того, что люди говорили? После того, что мы все решили?

– Непотушенная сигарета. Искра от камина. – Он взял печенье, разломил пополам.

– Сам-то ты в это веришь?

– Язык распустил, корабль потопил.

– Но ради бога! Мы же не на войне, Гарольд!

Он отворачивается, смотрит в окно:

– Разве нет?..

Дом номер три, Рябиновая улица

28 июня 1976 года

– Неужели вообразили, что люди ничего не заподозрят, если две маленькие девочки будут стучаться к ним в двери и спрашивать, есть ли у них в доме бог? – Миссис Мортон поставила на стол вазочку с шоколадным муссом.

– А мы будем работать под прикрытием, – объяснила я и начала выводить краем ложки на поверхности десерта свое имя.

– Правда? – воскликнула Тилли. – Вот здорово!

– И каким же образом? – спросила миссис Мортон. Наклонилась и подвинула вазочку поближе к Тилли.

– Нацепим значки гёрлскаутов, – ответила я.

Тилли подняла глаза и нахмурилась.

– Но ведь мы никакие не гёрлскауты, Грейси. Сама говорила, это не для нас.

– Мы станем гёрлскаутами лишь на время, – решила я. – Они вызывают меньше подозрений.

Она улыбнулась и мелкими буковками вывела у края вазочки свое имя – «Тилли».

– Давайте договоримся, что я ничего этого не слышала. – Миссис Мортон вытерла руки о фартук. – И вообще не понимаю, откуда вдруг это увлечение Богом?

– Все мы овцы, – ответила я. – А овцам нужен пастух,

чтоб они были в безопасности. Ну, или пастырь. Так викарий сказал.

– Вот оно что… – Миссис Мортон скрестила руки на груди.

– И я просто хочу убедиться, что Он у нас есть.

– Понимаю. – Она привалилась спиной к разделочному столику. – Но это всего лишь мнение викария. Некоторые люди самым распрекрасным образом обходятся и без пастыря.

– Но ведь это очень важно, прислушаться к Богу. – Я утопила свою ложечку в муссе. – Если не обращать на Него внимания, он начнет преследовать.

– Ага, гоняться с ножами, – вставила Тилли.

Миссис Мортон удрученно нахмурилась.

– И это тоже, как я понимаю, сказал тебе викарий?

– Да, сказал, – ответила я.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов. Губы миссис Мортон шевелились, видно, она старалась подобрать нужные слова.

– Не хотелось бы вас разочаровывать, – произнесла она наконец. – Но найти Бога не так-то просто.

– Мы его найдем. А когда найдем, все люди будут в безопасности и миссис Кризи вернется домой. – И я отправила в рот полную ложку шоколадного мусса.

– И мы станем настоящими местными героинями, – добавила Тилли. Улыбнулась и облизнула кончик своей ложки.

– Думаю, чтобы вернуть миссис Кризи домой, одной божьей помощью не обойтись. – Миссис Мортон перегнулась через подоконник и распахнула еще одно окно. Я услышала, как где-то по улице проезжает на своем фургоне мороженщик, точно чародей притягивая ребятишек из окрестных домов.

– Мы решили, что она, скорее всего, не умерла, – сказала я.

– Ну, это уже что-то.

– И теперь нам нужен Бог, чтоб помочь найти ее. Вы должны запомнить, миссис Мортон: Бог – Он повсюду. – Я широко развела руками. – А потому Он запросто может находить людей и возвращать их домой из плена.

– Кто это сказал? – Миссис Мортон сняла очки и потерла вмятины от них у переносицы.

– Бог, – испуганным голосом ответила я и вытаращила глаза.

Миссис Мортон хотела было что-то ответить. Но передумала, лишь вздохнула, покачала головой и решила вместо этого протереть стекла очков.

– Не слишком-то надейтесь, – заметила она.

– Ой, скоро «Синий Питер»[16] начнется. – Тилли соскользнула со стула. – Пойду включу телевизор, пусть разогреется.

И она исчезла в гостиной. Я тоже встала, взяла пустую ва-

---

[16] «Синий Питер» – британская телевизионная программа, начала выходить в 1958 г. Предназначена для детей в возрасте от 6 до 14 лет.

зочку и понесла к раковине.

– С чего собираетесь начать? – спросила миссис Мортон.

– Просто будем обходить округу, пока Он не появится. – Я протянула ей вазочку.

– Понимаю.

Я уже почти дошла до гостиной, когда она вдруг окликнула меня:

– Грейс!

Я застыла в дверях. Фургон мороженщика отъехал еще дальше от нашего дома, отголоски его колокольчика стихли.

– Когда будете обходить свою улицу, – сказала миссис Мортон, – не смейте соваться в дом номер одиннадцать.

Я нахмурилась.

– Это как?

– Да вот так. Обходите его стороной.

Я хотела возразить, но по лицу миссис Мортон было заметно: она не в настроении продолжать этот разговор.

– Ладно, – кивнула я.

Но перед тем как ответить, выдержала крохотную паузу. Не думаю, что миссис Мортон это заметила.

Дом номер четыре, Авеню

29 июня 1976 года

Полицейский оказался очень высоким, даже после того, как снял головной убор.

Прежде мне никогда не доводилось видеть полицейского так близко. На нем была форма из толстой ткани – я чувствовала запах этой ткани, – а пуговицы такие блестящие, что в них отражалась вся наша кухня.

– Обычная проверка, – сообщил он.

Я подумала, что мне понравилась бы работа, где сование носа в чужую личную жизнь и дела считается всего лишь рутинной проверкой.

Я завороженно следила за тем, как отблески газовой горелки танцуют у него на груди.

Стук в дверь раздался примерно в середине выступления группы «Перекресток». Мама проигнорировала его, отец выглянул из окна и увидел припаркованный на другой стороне улицы полицейский автомобиль. Он произнес: «Вот дерьмо», я рассмеялась в подушку, мама велела отцу отвалить, тот, выйдя в холл, споткнулся о Ремингтона и едва не упал.

И вот теперь полицейский стоял посреди нашей кухни, а мы стояли вокруг и взирали на него. Он чем-то напоминал мне викария. Оба могли заставить человека выглядеть маленьким, ничтожным и виноватым.

– Так, дайте-ка подумать, – протянул отец. Вытер пот над верхней губой кухонным полотенцем и покосился на маму. – Ты помнишь, Сильвия, когда мы в последний раз ее видели?

Мама принялась собирать салфетки под тарелки со стола.

– Точно не скажу, – пробормотала она и снова стала раскладывать салфетки.

– Вроде бы в четверг, – сказал отец.

– Или в пятницу, – предположила мама.

Отец снова покосился на нее.

– Или в пятницу, – пробормотал он в кухонное полотенце.

На месте этого блистающего пуговицами полицейского я, глядя на такое их поведение, точно арестовала бы их, как матерых преступников.

– Вообще-то это было в субботу утром.

Три пары глаз и чайное полотенце сконцентрировались на мне.

– Это правда? – Полицейский присел на корточки, и я услышала хруст ткани, обтягивающей колени.

Он сразу стал меньше меня, и поскольку мне совсем не хотелось ставить его в столь унизительное положение, я тоже присела.

– Так и было, – подтвердила я.

Глаза у него были темные, в тон форме. Я смотрела в них очень долго, но он так ни разу и не моргнул.

– И откуда ты это знаешь? – спросил он.

– Как раз шла «Тисвоз»[17].

– Мои ребятишки просто обожают «Тисвоз».

– А лично я ненавижу, – сказала я.

Отец кашлянул.

– И что же она говорила, когда ты в последний раз видела ее, Грейс? – Полицейский переступил с ноги на ногу.

– Она постучалась в дверь и сказала, что ей нужно позвонить по телефону.

– У них нет телефона, – вставила мама. Произнесла она эти слова тоном человека, который гордится, что у него есть нечто такое, чего нет у других.

– А она не говорила, зачем ей понадобилось позвонить?

– Сказала, что хочет вызвать такси. Но я ее не впустила. Поскольку мама как раз прилегла отдохнуть.

Мы все обернулись и посмотрели на маму. Та вновь теребила салфетки на столе.

– А еще мне всегда говорили, что незнакомых в дом пускать нельзя, – добавила я.

– Но ведь миссис Кризи была вам знакома, разве нет? – Полицейский наконец-то моргнул.

– Нет, мы ее знали, но она какая-то странная была.

– Странная?

Я откинулась на спинку стула и подумала.

– Ну, знаете, как выглядит человек, у которого страшно

---

[17] «Тисвоз» – субботняя утренняя телевизионная программа для детей, выходила на британском ТВ с 1974 по 1982 г.

разболелись зубы?

– Да.

– Так вот, она выглядела даже хуже.

Полицейский поднялся и надел фуражку. Казалось, он заполняет собой всю комнату.

– Вы ее найдете? – спросила я.

Полицейский не ответил. Он прошел в холл, и они с отцом о чем-то тихо поговорили. Я не расслышала ни единого слова. Даже когда старалась не дышать и перегнулась через кухонный стол.

– Мне кажется, ее не найдут, – заметила я.

Мама вылила из чайника старую заварку.

– Нет, – сказала она. – Я тоже так думаю.

Затем стала как-то яростно полоскать чайник – наверное, пожалела, что эти слова сорвались с языка.

Я не знала, и неважно, сколько раз люди спрашивали меня об этом.

Даже когда к нам в гостиную ворвался мистер Кризи и встал между мамой и Хильдой Огден[18], я все равно ничего не понимала. Его лицо было так близко от меня, что я чувствовала запах его дыхания.

– Она не говорила мне, куда собирается уехать. Только спросила, нельзя ли позвонить по телефону, – сказала я ему.

– Но она должна была еще что-то сказать! – Слова мистера

---

[18] Хильда Огден – одна из главных героинь британского телевизионного сериала «Улица Коронации».

Кризи хлестнули меня по лицу.

– Она не говорила. Она хотела позвонить и вызвать такси.

Воротничок рубашки у него обтрепался, на самой рубашке спереди красовалось пятно. Похоже, от яйца.

– Грейс, подумай. Пожалуйста, девочка, вспомни! – Он придвинулся еще ближе.

– Перестань, старина. – Отец попытался оттеснить его от меня. – Девочка рассказала все, что знает.

– Просто хочу, чтобы жена вернулась домой, Дерек. Ты ведь можешь это понять, правильно?

Я увидела, как мама начала подниматься из кресла, но затем ухватилась за подлокотники и осталась сидеть.

– Может, она надумала вернуться туда, где жила прежде. – Отец положил руку на плечо мистеру Кризи. – Вроде бы в Уолсолле, да? Или в Саттон-Колдфилде?

– В Тамворте, – ответил мистер Кризи. – Она там лет шесть не была. Ни разу с тех пор, как мы поженились. И почти наверняка никого теперь там не знает.

Он по-прежнему дышал мне прямо в лицо. И я чувствовала запах тревоги.

– А где находится этот Тамворт? – спросила Тилли, волоча школьный рюкзак по земле.

То был последний день занятий.

– За много миль отсюда. В Шотландии, – ответила я.

– Просто не верится, что тебя допрашивал настоящий по-

лицейский, а меня в тот момент, как назло, рядом не было. Ну, как это было? Как в «Суини»[19]?

Мать Тилли недавно пристрастилась к телесериалам.

Я вспомнила о запахе ткани, о том, как сверкающий пуговицами полицейский записывал мои слова в маленькую черную записную книжечку. Писал карандашом, и очень медленно. И при этом все время облизывал губы.

– Да, в точности как в «Суини».

Мы шлепали по тротуару. Утром было чуточку прохладнее. Бутылки с молоком быстро убирали со ступеней, дверцы машин были распахнуты настежь, все спешили выгулять собак до того, как жара наберет силу.

– И этот полицейский будет ее искать? – Рюкзак Тилли царапал бетонное покрытие, облачка белой пыли поднимались в воздух. – Что он сказал?

– Сказал, они официально объявят миссис Кризи в розыск. Как пропавшую или бежавшую.

– Бежавшую от чего?

Я задумалась и замедлила шаг.

– Ну, может, от своей жизни.

– Как это можно бежать от своей жизни?

Я снова замедлила шаг.

– Бежать от той жизни, к которой принадлежишь.

Тилли остановилась подтянуть носки.

---

[19] «Суини» – британский телесериал, боевик «Летучий отряд Скотленд-Ярда» (1975–1978).

– А как узнать, принадлежишь ты к ней или нет? – спросила она, глядя на меня снизу вверх.

Я поняла, что не знаю ответа. И отвернулась от Тилли, чтобы та не заметила, как я хмурюсь.

– Поймешь, когда станешь старше, – сказала я.

Тилли подняла глаза от носков.

– У тебя день рождения всего на месяц раньше, чем у меня.

– Как бы там ни было, только Бог точно знает, кому или чему ты принадлежишь. – Я отмахнулась от расспросов. – Так что неважно, что там думает кто-то другой.

– А когда мы начнем искать Его? – Тилли все еще подтягивала носки, стараясь, чтоб верхние их края находились на одном уровне.

– Начнем с мистера и миссис Форбс. – Я провела рукой по изгороди. – Когда мы поем гимны, они даже слова никогда не смотрят.

– Но нам ни за что не найти миссис Кризи, если она уехала в Тамворт, пусть даже и с помощью Бога! – выкрикнула Тилли.

За нами увязалась кошка. Она двигалась по верхней части изгороди, бесшумно и аккуратно перебирая лапками. Я видела, как она добежала до деревянного столба, потерлась о него, и на мгновение мы встретились глазами. Затем кошка спрыгнула на тротуар, нырнула в кусты и скрылась из виду.

– Это соседская кошка, что ли? – спросила я.

Но Тилли меня не слышала, отстала. Я обернулась и подождала, пока она меня догонит.

– Ни в какой Тамворт она не поехала, – сказала я. – Она все еще здесь.

Дом номер шесть, Авеню

3 июля 1976 года

– Ну давай, что же ты! – Тилли в своем свитере подтолкнула меня локтем.

Я смотрела на дверной звонок.

– Как раз и собираюсь это сделать, – ответила я.

Дом мистера и миссис Форбс всегда выглядел так, будто в нем никто не живет. Все другие дома на нашей улице были изнурены жарой. Сорняки расползались вдоль садовых тропинок, стекла окон помутнели от густого слоя пыли, вечерами на пожелтевшие лужайки никто не выходил, словно люди забыли, для чего они предназначены. В отличие от них, однако, дом Форбсов излучал самодовольство и решимость, словно подавая пример неряхам.

– Может, там никого и нет, – предположила я. – Давай попробуем зайти завтра.

Я провела носком сандалии по краю чисто подметенной ступеньки.

– Дома они, точно тебе говорю. – Тилли прижалась лицом к окошку из цветного стекла в двери. – Слышно, как работает телевизор.

Я тоже прижалась лицом к стеклу.

– Может, они фильм смотрят, – сказала я. – Может, стоит зайти позже.

– Так ты не считаешь, что это наш долг перед миссис Кризи, позвонить в дверь как можно скорее? – Тилли обернулась ко мне с самым серьезным выражением лица. – И перед Богом тоже?

Солнце отражалось от снежно-белой щебенки, которой были посыпаны дорожки у миссис Форбс, я даже прищурилась – так слепило глаза.

– Как лидер группы гёрлскаутов, Тилли, я решила поручить звонить в дверь тебе, пока сама готовлюсь произнести речь.

Она посмотрела на меня из-под непромокаемой шапочки.

– Но ведь на самом деле мы никакие не гёрлскауты, Грейси.

Я тихо вздохнула и заметила:

– Очень важно уметь вжиться в роль.

Тилли, хмурясь, смотрела на входную дверь.

– Может, ты и права. Может, дома и правда никого нет.

– Очень даже есть.

На тропинке, огибающей дом, появилась миссис Форбс. Одета она была так, как моя мама одевалась для визита к врачу, и несла под мышкой большой рулон пакетов для мусора. Развернула один с сильным треском, и с крыши сорвалась стайка встревоженных голубей.

Она спросила, зачем мы пришли. Тилли уставилась на белоснежную щебенку, а я, скрестив руки на груди, стояла на одной ноге, стараясь занимать как можно меньше места на

ступеньке.

– Мы гёрлскауты, – спохватившись, ответила я.

– Да, мы гёрлскауты. Пришли предложить вам помощь, – пискнула Тилли. Хорошо хоть удержалась, чтоб не запеть.

– Что-то не больно вы похожи на гёрлскаутов, – миссис Форбс с подозрением сощурилась.

Тогда я сказала, что нам нужна помощь соседей, и тут миссис Форбс кивнула, согласилась, что она действительно наша соседка, и даже предложила нам войти в дом, чтобы не стоять на жаре. Тилли потянулась следом за кардиганом миссис Форбс, возбужденно размахивая руками, я погрозила подруге кулаком, пытаясь ее успокоить.

Миссис Форбс, стуча каблучками, развернулась и пошла по тропинке вдоль дома. Каблуки звонко цокали по чисто подметенной бетонной плитке, а наши сандалии шлепали следом, изо всех сил стараясь не отстать. Через секунду она вдруг обернулась, и мы с Тилли, все еще размахивая руками, едва не врезались в нее.

– А твоя мама знает, что ты здесь, Грейс? – спросила она. И вскинула руки, точно регулировщик движения.

– Мы ей сказали, миссис Форбс, – ответила я.

Она тут же опустила руки и снова застучала каблучками.

«Интересно, – подумала я, – понимает ли миссис Форбс, что сказать моей маме – это одно, а вот знает ли она – это совсем другое?» Две совершенно разные вещи. Впрочем, откуда ей было знать, что мама обычно подносила пальцы к горлу

и яростно отрицала, что ей говорили что-либо в этом роде. Даже когда отец брал себе кого-нибудь в свидетели (обычно меня) и слово в слово повторял содержание разговора.

– А про мою маму она почему-то не спросила, – прошептала Тилли.

Очевидно, мать Тилли считалась слишком непредсказуемой, чтобы спрашивать о ее мнении.

Я расправила джемпер на спине подружки.

– Все нормально. Спросить о моей маме – этого за глаза хватит на двоих. И ты всегда можешь это использовать.

Тилли улыбнулась и взяла меня под руку.

Порой я никак не могу припомнить, когда ее не было рядом со мной.

Ковер у миссис Форбс был цвета сиропа от кашля. Он тянулся через весь холл до самой гостиной, а когда я обернулась, то увидела, что им покрыта и лестница на второй этаж. Сохранились линии в тех местах, где по нему провели пылесосом, а когда мы вошли в гостиную, то там нас ждал еще один квадрат сиропа. Наверное, на тот случай, чтобы каждый гость мог убедиться – в этом доме царит полный достаток.

Миссис Форбс спросила, не угостить ли нас чем-нибудь, и я ответила да и не сказала нет заварному крему; миссис Форбс сложила губы трубочкой в виде буквы «о» и вышла. А мы остались сидеть на темно-розовом диване с изогнутыми подлокотниками и целой горой подушек. Я решила примо-

ститься на краю. Тилли уселась первой. Сиденья оказались такими глубокими, что ноги ее не доставали до пола, так и свешивались, словно у тряпичной куклы.

Она перекатилась на бок и заглянула в щель между диваном и стеной.

– Ты Его не видишь? – спросила она, склонившись почти к самому ковру.

– Кого?

Тилли перекатилась обратно, лицо побагровело от усилий.

– Бога, кого ж еще.

– Не думаю, что Он возьмет да вдруг выскочит из-под плинтуса, Тилли.

Но обе мы покосились на плинтус, так, на всякий случай.

– Надо же с чего-то начинать, – пробормотала она. – Миссис Кризи в опасности.

Я окинула взглядом комнату. Тут все было так, словно кто-то поработал в доме лопаточкой для развеса мороженого. Даже те предметы, которые не были розовыми, таили в себе намек на этот цвет, будто без этого условия их и в дверь бы не пропустили. Шторы перехвачены шнурами цвета семги, на каждой подушке кисточки цвета фуксии. На страже каминной доски стояли фарфоровые собачки, шеи у них были обвиты гирляндами розовых бутонов. Между собачками выстроились фотографии в рамочках: мистер и миссис Форбс в шезлонгах на пляже; мистер Форбс стоит рядом с автомо-

билем; мистер и миссис Форбс с группой гостей на пикнике. Прямо в центре красовался снимок девушки с волнистыми волосами. Все остальные люди на снимках почему-то отворачивались от камеры, и глаза у них были такие серьезные, но эта девушка смотрела прямо в объектив, улыбалась и казалась такой искренней и незащищенной, что мне захотелось улыбнуться в ответ.

– Интересно, кто она такая, – пробормотала я.

Теперь Тилли исследовала пространство за кушеткой.

– Как думаешь, может, Он сумел пробраться куда-то сюда? – Подруга приподняла подушку, заглянула под нее.

Я посмотрела на брызги шампанского, которые, превратившись в крохотные стеклянные шарики, свисали с богатой люстры.

– Думаю, что с розовым тут явный перебор, даже для Иисуса, – ответила я.

Миссис Форбс вернулась с подносом и целым набором печений.

– К сожалению, заварного крема у нас не оказалось, – заявила она.

Я взяла три куска рулета с инжиром и одно шоколадное печенье.

– Ничего страшного, миссис Форбс. Как-нибудь и без него обойдемся.

Из соседней комнаты доносились звуки телевизора и вы-

крики мистера Форбса. Очевидно, показывали футбольный матч. И хотя телевизор явно находился прямо за стеной, звуки доносились как бы издалека, точно весь остальной мир остался за пределами этого розового интерьера. А мы с Тилли оказались в плену акрилового волокна и подушек, и охраняли нас фарфоровые собачки, и сами мы были обернуты в целлофановую тишину цвета клубничного мороженого.

– У вас очень красивый дом, миссис Форбс, – сообщила Тилли.

– Спасибо, дорогая.

Я вонзила зубы в печенье, и она тут же сунула мне на колено бумажную салфетку.

– Ключ к красивому чистому дому – это прогнозирование. И списки. Много списков.

– Списки? – спросила я.

– О, да, именно списки. Только тогда ничего не забываешь.

Она достала из кармана кардигана листок бумаги.

– Вот список дел на сегодня, – пояснила она. – Я должна заняться мусорными ведрами и корзинами.

То был длиннющий список. Целых две страницы, исписанные петельками букв синими чернилами, немного размазанными в тех местах, где линии уплотнялись и немного расплывались, – видно, там ручка замирала, чтобы хозяйка могла обдумать дальнейшее. Помимо того, что надо было пропылесосить холл и привести в порядок все мусорные кон-

тейнеры, были и такие записи: «почистить зубы», «позавтракать».

– Так вы вносите в список абсолютно все, миссис Форбс? – спросила я и принялась за рулет с инжиром.

– О, да, чтоб ничего не упустить из виду. Это была идея Гарольда. Он говорит, только это может отучить меня от небрежности.

– Так вы не можете запомнить, если не запишете? – спросила Тилли.

– Господи, нет, конечно. – Миссис Форбс откинулась на спинку кресла и словно растворилась на фоне розового пейзажа. – Иначе просто никак. Гарольд говорит, что тогда все хозяйство развалится.

Она аккуратно сложила листок бумаги и убрала в карман.

– И как давно вы, девочки, в отряде гёрлскаутов?

– Целую вечность, – ответила я. – Скажите, а кто эта девушка на снимке?

Миссис Форбс нахмурилась, потом покосилась на камин, затем снова повернулась ко мне.

– О, да это я, – ответила она несколько удивленным голосом, словно только сейчас вспомнила, что когда-то была молоденькой девушкой.

Я смотрела то на миссис Форбс, то на снимок и пыталась уловить хотя бы малейшее сходство. Не получалось.

– Нечему тут удивляться, – заметила она. – Я ведь не старухой родилась.

Моя мама часто произносила эти слова. По опыту я знала, что в таких случаях лучше промолчать, и, вместо того чтоб как-то откликнуться, шумно отпила глоток лимонада через соломинку.

Она подошла к камину. Миссис Форбс всегда производила на меня впечатление женщины жесткой и собранной, но при ближайшем рассмотрении все оказалось не так. Эта словно извиняющаяся поза, эти складки платья, словно определяющие границы истории. Даже ее руки, загрубевшие от работы и искривленные артритом, казались хрупкими и маленькими.

Она провела пальцем по рамочке снимка.

– Незадолго до того, как я встретила Гарольда, – сказала она.

– Вы выглядите здесь такой счастливой. – Я взяла еще один кусок рулета. – Интересно, о чем вы в тот момент думали?

– Думала? Разве я думала? – Миссис Форбс достала из-за пояса клочок ткани и начала отряхиваться. – Хотелось бы вспомнить.

Футбольный матч за стеной неожиданно закончился. Раздался скрип кресла и ворчание, затем – щелчок дверного замка и звуки тяжелых шагов по ковру цвета сиропа. Я обернулась и увидела: в дверях стоит мистер Форбс и смотрит на нас. На нем были шорты. Ноги бледные, безволосые – почему-то казалось, что они принадлежат другому человеку.

– Что здесь происходит? – спросил он.

Миссис Форбс ухватилась за каминную доску, затем развернулась к мужу лицом.

– Просто Грейс и Тилли, гёрлскауты. – Глаза у нее были яркие, словно эмалевые. – Ну, вот, они и зашли одолжить… – Тут она запнулась.

Он насупился и положил руки на бедра.

– Что одолжить? Книжку? Денег? Чашку сахарного песка?

Миссис Форбс, словно загипнотизированная его взглядом, вертела в пальцах тряпку до тех пор, пока они не побелели от пыли.

– Одолжить… – беспомощно повторила миссис Форбс.

Мистер Форбс по-прежнему не сводил с нее глаз. И я слышала, как он прищелкивает языком.

– Предложить, – подсказала Тилли. – Руку.

– Да, верно. Руку. Они пришли предложить руку помощи.

Миссис Форбс развернула пыльную тряпку, и я услышала, как она потихонечку выдыхает.

Мистер Форбс забурчал себе под нос нечто вроде: «А, ну раз так, тогда оно конечно», а затем: «А Сильвия знает, что она здесь?» И миссис Форбс так энергично закивала головой, что крестик на цепочке вокруг шеи затанцевал на ее ключицах.

– Иду отправить письмо, – заявил мистер Форбс. – Некогда мне тут возиться с вами, иначе пропущу вторую выемку. И очень бы хотелось узнать, куда ты дела мои туфли.

Миссис Форбс снова закивала, крестик запрыгал по ключицам, и продолжала кивать, хотя мистер Форбс уже давно скрылся за дверью.

– Учителя всю дорогу вытворяют со мной такое, – заметила Тилли.

– О чем ты, дорогая?

– Швыряются в меня словами до тех пор, пока окончательно не запутают. – Тилли наклонилась, подобрала с ковра крошки от печенья, положила их на тарелку. – От этого всегда чувствуешь себя такой глупой.

– Разве? – спросила миссис Форбс.

– Хотя на самом деле это не так, – заметила Тилли.

Миссис Форбс улыбнулась:

– А тебе нравится ходить в школу, Тилли?

– Да нет. Другие девочки, они не очень-то нас любят. Иногда даже унижают.

– Они вас бьют? – Миссис Форбс прижала ладонь к губам.

– О, нет, они нас не бьют, миссис Форбс.

– Не обязательно бить людей, чтобы унизить их, – добавила я.

Миссис Форбс ухватилась за спинку ближайшего стула и уселась на него.

– Думаю, тут ты права, – сказала она.

Мы уже собирались сказать ей, зачем пришли, но тут в комнату вошел хозяин дома. На нем все еще были шорты, только на этот раз к ним добавилась плоская шапочка и сол-

нечные очки, а в руках он держал письмо. В этот момент он напомнил мне отца. Тот тоже в жару менял брюки на шорты, но в остальном выглядел как всегда.

Мистер Форбс положил письмо на буфет и не сел, а прямо-таки рухнул на диван, отчего легонькую Тилли подбросило вверх. А затем он принялся завязывать шнурки, нервно дергая их, – они так и порхали над пальцами. Я встала, чтобы дать его ногам больше пространства.

– Для начала ты можешь вычеркнуть это из списка, Дороти, – пробурчал он. – В доме и без того есть чем заняться, дел полно.

Он покосился на меня.

– Вы к нам надолго? – спросил он.

– О, нет, мистер Форбс, совсем ненадолго. Сразу уйдем, как только протянем руку помощи.

Он снова взглянул на ноги и что-то проворчал. Я так и не поняла, то ли он одобрял мой ответ, то ли злился на непослушные шнурки.

– Видишь ли, она у меня очень рассеянная. – Он кивком головы в полотняном кепи указал на жену. – Возраст берет свое. Верно, Дороти? – И покрутил пальцем у виска.

Миссис Форбс нервно улыбнулась одним уголком губ.

– Ничего не может удержать в голове дольше пяти минут. – Произнес он эти слова, прикрывая рот рукой, точно хотел прошептать, но голос гремел на всю комнату. – Боюсь, крыша у нее поехала.

Он поднялся, затем наклонился и как-то очень театрально поправил носки. Тилли на всякий случай отодвинулась на самый краешек дивана.

– Иду к почтовому ящику. – Он прошествовал через комнату к холлу. – Буду где-то через тридцать минут. Так что постарайтесь уложиться в то время, пока меня нет.

И не успела я опомниться, как он исчез за дверью.

– Мистер Форбс! – Пришлось крикнуть, чтобы он меня услышал и снова возник на пороге. Он не походил на человека, который привык, чтоб на него повышали голос.

Я протянула ему конверт.

– Вы забыли письмо, – сказала я.

Миссис Форбс выждала, пока за мужем не захлопнется входная дверь, а затем начала смеяться. И мы с Тилли, глядя на нее, тоже засмеялись, и весь остальной мир, казалось, снова ворвался в эту комнату – видно, находился не так уж и далеко.

Пока мы хохотали, я поглядывала то на миссис Форбс, то на девушку на снимке, которая весело улыбалась нам через коридор времени. Все рассмотрела и решила, что сходство между ними неоспоримое.

– Вот уж не думала, что нам придется заняться работой по дому, – сказала Тилли.

Миссис Форбс надела на нас фартуки – они почти до горла доходили – и вышла. Тилли стояла в дальнем конце комна-

ты и втирала «Брассо»[20] в фигурку маленького спящего белоснежного вест-хайленд-терьера.

– Самое главное – не вызывать подозрений, – пояснила я и отнесла последнее шоколадное печенье на диван.

– Но как ты думаешь, Бог здесь все-таки есть? – Тилли рассматривала собачку, затем протерла ей тряпочкой ушки. – Если Бог приглядывает за всеми, то он и за миссис Форбс тоже присматривает и она в безопасности?

Я подумала о крестике на шее миссис Форбс.

– Надеюсь, да, – ответила я.

Миссис Форбс вернулась с новым пакетом шоколадных печений.

– На что надеешься, дорогая?

Я смотрела, как она высыпает печенье на тарелку.

– Вы верите в Бога, миссис Форбс? – спросила я.

– Конечно.

Она ни секунды не колебалась с ответом. Не смотрела на небо или на меня, не стала переспрашивать. Просто раскладывала печенья на тарелке.

– Но откуда такая уверенность? – спросила Тилли.

– Достаточно на вас поглядеть. Бог объединяет людей. Бог всему придает смысл.

– Даже плохим вещам? – спросила я.

– Ну, конечно. – Она секунду-другую смотрела на меня,

---

[20] «Брассо» – средство для чистки и полировки металлоизделий и стеклокерамики.

потом отвернулась к тарелке.

Через плечо миссис Форбс я видела Тилли. Подруга лениво и медленно водила тряпкой, так и подначивая меня взглядом продолжить разговор.

– Но как Бог мог допустить, чтоб миссис Кризи пропала? Какой в этом смысл? Это я так, к примеру.

Миссис Форбс отшатнулась, на пол посыпались крошки.

– Понятия не имею. – Она принялась комкать пустой пакет в руках, но он никак не хотел складываться. – Я даже ни разу не говорила с этой женщиной.

– И никогда с ней не встречались? – спросила я.

– Нет. – Теперь миссис Форбс оборачивала пакет вокруг пальца с обручальным кольцом. – Ведь они переехали в этот дом совсем недавно, после того, как мать Джона умерла. Так что познакомиться не было случая.

– Просто ума не приложу, почему это она исчезла? – с вызовом спросила я.

– Ну, одно могу сказать: я к этому отношения не имею. И слова никому не сказала. – Произнесла она это дрожащим голосом, последняя фраза вырвалась у нее, казалось, против воли.

– Что вы имеете в виду, миссис Форбс? – Я посмотрела на Тилли, та – на меня, и обе мы нахмурилась.

Миссис Форбс опустилась на диван.

– Не обращайте внимания, девочки, что-то я совсем запуталась. – Она похлопала по шее сзади, точно хотела убе-

диться, что голова у нее все еще на плечах. – Возраст, сами понимаете.

– Только мы никак не можем понять, куда она подевалась, – настаивала я.

Миссис Форбс принялась разглаживать кисточки на подушках.

– Уверена, скоро она вернется, – сказала она. – Обычно люди возвращаются.

– Надеюсь, так, – заметила Тилли и принялась развязывать фартук. – Мне нравилась миссис Кризи. Такая симпатичная.

– Очень славная была женщина, просто уверена в этом. – Миссис Форбс продолжала возиться с подушкой. – Но мне не довелось с ней общаться. Не знаю, что и сказать.

Я передвигала пальцем печенья на тарелке.

– Может, кто-то из соседей на нашей улице знает, куда она отправилась?

Миссис Форбс встала.

– Сильно сомневаюсь, – заметила она. – Причина, по которой Маргарет Кризи исчезла, не имеет отношения ни к одному из нас. Пути господни неисповедимы, так говорит Гарольд, и тут он прав. На все есть свои причины.

Мне захотелось спросить, какие именно причины и почему Господь скрывает от нас свои соображения, но тут миссис Форбс достала из кармана список.

– Гарольд скоро вернется. Пора приниматься за работу. –

И она начала водить пальцем по строчкам, выведенным синими чернилами.

Мы шли по нашей улице. Небо давило на нас всем своим весом, ноги еле двигались из-за жары. Я смотрела на горы, обступившие город, но невозможно было определить, где начинаются они и где кончается небо. Пекло заставило их слиться воедино, горизонт дрожал, плавился и шипел, словно не хотел, чтобы его обнаружили.

Из какого-то окна вырвался голос комментатора матча в Уимблдоне: «Преимущество, Борг!» И отдаленный рокот аплодисментов.

На улице было безлюдно. Безжалостное полуденное солнце разогнало всех по домам, где люди сидели, обмахиваясь газетами и натирая руки и плечи кремом от загара. Единственным человеком, оставшимся на воздухе, была Шейла Дейкин. Она сидела в шезлонге на лужайке перед домом номер двенадцать, широко раскинув руки и ноги, подняв лицо к солнцу, словно кто-то вынудил ее пойти на эту огромную жертву и обгореть до красноты.

– Здравствуйте, миссис Дейкин! – крикнула я через живую изгородь.

Шейла Дейкин приподняла голову, и я увидела, что в уголке рта у нее блестит слюна.

Она махнула нам рукой:

– Привет, леди.

Она всегда называла нас «леди», и обе мы заулыбались, а Тилли даже покраснела от смущения.

– Так, значит, Бог все-таки живет в доме миссис Форбс, – сказала Тилли, когда мы перестали улыбаться.

– Хочется верить, что так. – Я оттянула шапочку на голове Тилли назад, чтоб прикрыть шею. – Мы можем с уверенностью сказать, что миссис Форбс в безопасности, хотя… насчет ее мужа я не совсем уверена.

– Какая жалость, что она ни разу не встречалась с миссис Кризи, иначе бы могла дать нам хоть какую-то подсказку. – Тилли отбросила носком сандалии мелкий камушек, и он приземлился где-то в кустах.

Тут я так резко затормозила, что из-под сандалий вырвалось облачко пыли.

Тилли обернулась.

– В чем дело, Грейси?

– Пикник, – ответила я.

– Какой пикник?

– Снимок пикника на каминной доске.

Тилли нахмурилась.

– Что-то я не понимаю.

Я смотрела на тротуар и пыталась все точно вспомнить.

– Женщина, – сказала я. – Та женщина.

– Какая женщина?

– Та, которая стоит рядом с миссис Форбс на пикнике.

– И что с ней? – спросила Тилли.

Я подняла голову, посмотрела подруге прямо в глаза:
– Это была Маргарет Кризи.

Дом номер два, Авеню

4 июля 1976 года

Брайан пел перед зеркалом в холле и пытался найти пробор в волосах. Это было довольно трудно, поскольку по настоянию мамы было куплено зеркало модного дизайна – в виде звезды, – и оно больше напоминало звезду, чем зеркало. Но если стоять на полусогнутых ногах и наклонить голову вправо, то он видел отражение почти всей своей головы.

Волосы – это его гордость, так всегда говорила мама. Вроде бы нынешним девушкам больше нравятся парни с длинными волосами, хотя он немного сомневался. Он успел отрастить их до подбородка и на этом остановился – как-то потерял интерес.

– Брайан!

А может, заложить пряди за уши?

– Брайан!

Крик дергал его, как поводок собаку. Он заглянул в дверь гостиной.

– Да, мам?

– Будь другом, принеси коробочку «Милк трей»[21]. Эти ноги… они меня окончательно доконали.

Мама утопала в море вязания, ноги покоились на валике

---

[21] «Милк трей» – фирменное название набора конфет ассорти из молочного шоколада производства компании «Кэдберри».

дивана, и она растирала шишки на стопе прямо через колготки. Он даже расслышал потрескивание статического электричества.

– Все эта чертова жара. – Она морщилась от напряжения, тяжело отдувалась.

– Вон там! Там! – Перестав растирать шишки, она указала на табурет, на котором, в отсутствие ее ног, нашли прибежище журнал «ТВ таймс», домашние тапочки и надорванный пакетик мятных леденцов. Он протянул ей конфеты, и она уставилась в открытую коробочку с той же сосредоточенностью, с какой ученик на экзамене пытается ответить на самый трудный вопрос.

Затем сунула в рот конфету с апельсиновым кремом и окинула неодобрительным взглядом его кожаную куртку.

– Собрался куда?

– Иду выпить пинту с ребятами, мам.

– С ребятами? – Она взяла рахат-лукум.

– Да, мам.

– Тебе уже сорок три, Брайан.

Он хотел было запустить пальцы в волосы, но, вспомнив о бриолине, вовремя остановился.

– Хочешь, попрошу Вэл немного подстричь тебя в следующий раз, когда она заскочит?

– Нет, спасибо. Я отращиваю волосы. Девушкам так больше нравится.

– Девушкам? – Она расхохоталась, к передним зубам у нее

прилипли три крохотных кусочка рахат-лукума. – Тебе уже сорок три, Брайан.

Он переступил с ноги на ногу, кожаная куртка скрипнула в плечах. Он купил ее на рынке. Наверняка подделка. Возможно, просто синтетика, которая притворилась кожей, а он единственный человек, которого продавцу удалось обдурить, вот и носит ее теперь, как полный идиот. Брайан приподнял воротник, который тоже скрипнул под пальцами.

Горло матери раздувалось и опускалось вместе с рахат-лукумом, он наблюдал за тем, как она проводит языком по коренным зубам – хочет убедиться, что деньги на сладкое выброшены не напрасно.

– Вытряхни эту пепельницу перед тем как уйти. Умница, хороший мальчик.

Он взял пепельницу и держал ее на расстоянии вытянутой руки, как некую странную скульптуру. Эдакое кладбище сигарет, и каждая датирована разным цветом помады. Он следил, чтобы те окурки, что примостились на самом краю, не свалились, пока шел с пепельницей через комнату.

– Только не в камин! Выброси в мусорку на улице. – Инструкции она давала с набитым ртом, пережевывая батончик с лимонной начинкой. – Если оставишь здесь, весь дом насквозь провоняет.

Откуда-то из глубины окурков вился дымок. Поначалу он подумал, что показалось, но затем запах ударил в ноздри.

– Надо быть осторожней. – Он кивком указал на пепель-

ницу. – Так и пожар может начаться.

Она подняла на сына глаза, затем снова уставилась на коробочку с «Милк трей».

Оба помолчали.

Брайан порылся в пепельнице и нашел светящийся кончик окурка. Сжал его в пальцах, огонек замигал и потух, струйка дыма иссякла.

– Ну вот, загасил, – сказал он.

Однако мать была целиком поглощена шоколадками, шишками на стопе, конфетами с апельсиновым кремом, и потом, на Би-би-си 2 как раз начинался фильм. Он знал, что все будет точно так же, когда он вернется из «Легиона». Знал, что она натянет одеяло на ноги, что опустошенная коробочка из-под ассорти будет валяться на ковре, что телевизор в углу будет разговаривать сам с собой. Знал, что она так и не рискнет сдвинуться с места, выбраться из своего убежища на диване, заваленного вязаньем. То был ее мирок, отгороженный от всего остального мира, в нем она жила на протяжении последних нескольких лет, и с каждым месяцем он все больше сужался и скукоживался.

На улице стояла тишина. Брайан приподнял крышку мусорного ведра и высыпал сигаретные окурки, отчего прямо в лицо ударило облачко пепла. Закончив кашлять и отмахиваться, он попытался глотнуть свежего воздуха. Потом поднял глаза и увидел в садике дома номер четыре Сильвию. Ни Дерека рядом, ни Грейс. Она была одна. Редко удавалось

увидеть ее в одиночестве, и он осмелился понаблюдать за соседкой какое-то время. Та не поднимала глаз. Она полола сорняки и бросала их в мусорное ведро, отряхивая с рук землю. Время от времени выпрямлялась, тяжело дыша, и вытирала лоб тыльной стороной ладони. Она ничуть не изменилась. Ему хотелось сказать ей об этом, но он знал: могут быть проблемы.

Он почувствовал, как под воротник заползла струйка пота. Брайан не знал, сколько времени наблюдал за Сильвией, но вот она подняла глаза и увидела его. Приподняла руку, чтобы помахать, но он успел вовремя развернуться и уйти в дом.

Вошел, поставил пепельницу на табурет.

– Постарайся быть дома к десяти, – сказала мать. – Мне нужно смазать ногу.

«Королевский Британский легион»

4 июля 1976 года

В «Легионе» было пусто, если не считать двух стариков, примостившихся в углу. Всякий раз, когда Брайан видел их, они сидели на одном и том же месте, все в той же одежде и вели все те же беседы. Оба говорили и переглядывались, но каждый старикан вел разговор с самим собой и слушал исключительно себя. Постепенно глаза Брайана освоились с темнотой. По сравнению с улицей здесь было намного темнее и прохладнее. Солнце пропитало обои с ворсистым рисунком и отполированное дерево. Лучи его поглотила гладкая поверхность бильярдного стола, падали они и на рисунок ковра, изрядно истертого ногами посетителей. В «Легионе» стоял мертвый сезон. Вот где-то в середине зимы – совсем другое дело. Воротничок рубашки Брайана был мокрым от пота, казалось, он едва передвигает ноги.

Клайв сидел на табурете в самом конце стойки бара, скармливая чипсы черному терьеру, который нетерпеливо переступал лапами и тихонько повизгивал, когда чувствовал, что перерыв между угощением слишком затянулся.

– Пинту? – спросил он, и Брайан кивнул.

Клайв сполз с табурета.

– И теплого, – добавил он. Брайан снова кивнул.

Брайан протянул ему деньги. Слишком много мелких мо-

нет. Приподнял бокал, и пена соскользнула с края и потекла на стойку.

– Все еще ищешь работу? – спросил Клайв, взял тряпку и протер мокрое пятно на стойке.

Брайан пробормотал в кружку нечто нечленораздельное и отвернулся.

– Расскажи об этом, мой сладкий. Если они еще хоть раз урежут мне часы, тоже придется вернуться в игру. – Клайв перевернул ладонь и начал рассматривать свои ногти.

Брайан смотрел на него поверх ободка бокала.

– Ладно, пошутил. – Клайв рассмеялся. Брайан хотел засмеяться вместе с ним, но как-то не получилось.

Он принялся за второй бокал, когда они пришли. Гарольд вошел первым, он был в шортах.

– Вечер добрый! Всем добрый вечер! – провозгласил он, хотя бар все еще оставался практически пуст. Старики в углу закивали и отвернулись.

– Клайв! – воскликнул Гарольд таким тоном, точно никак не ожидал увидеть здесь Клайва. Мужчины обменялись рукопожатием, похлопали друг друга и другой рукой, пока не образовалась целая горка из сплетенных в рукопожатии и тряске рук.

Брайан наблюдал за ними.

– Может, двойной фирмы «Даймонд»? – Гарольд кивком указал на бокал Брайана.

Брайан ответил – нет, спасибо, он купит себе сам. В ответ Гарольд пожал плечами – дескать, как угодно, – снова обернулся к Клайву, улыбнулся и завел с ним разговор. Брайан не слышал, о чем они там толкуют. Примерно в середине этой беседы в баре появился Эрик Лэмб с Шейлой Дейкин, и Клайв удалился в подсобку – не иначе как отыскать вишенку к «Бэбичам»[22] Шейлы.

Брайан последовал за ними к столику и вскоре обнаружил, что сидит у стены, зажатый между автоматом по продаже сигарет и пышным бюстом Шейлы.

Она посмотрела на него и сморщила носик.

– Снова начал курить, Брайан? От тебя несет, как из грязной пепельницы.

– Это мама, – ответил он.

– И еще тебе не мешало бы подстричься, – заметила она и окунула вишенку в бокал. – Черт знает что на голове творится.

Где-то играло радио. Брайан слышал обрывки мелодий, но никак не мог понять, что это за группа. То ли «Дрифтеры»[23], то ли «Плэттеры»[24]. Он хотел попросить Клайва включить погромче, но тот последние пять минут стоял в самом конце барной стойки, протирая полотенцем все тот же бокал, и

---

[22] «Бэбичам» – безалкогольный напиток на основе персикового сока.

[23] «Дрифтеры» – американская вокальная группа из чернокожих певцов, создана в 1953 г.

[24] «Плэттеры» – вокальная группа из Лос-Анджелеса, создана в 1953 г.

пытался прислушаться к разговору. Он вряд ли хотел отрываться от этого своего занятия.

– Тихо! Тихо! – Гарольд постучал краешком подставки для бокала по столу, хотя нельзя сказать, чтоб публика в баре так уж расшумелась. – Я созвал вас, чтобы обсудить недавние события.

Тут Брайан понял, что почти допил свою пинту. И покрутил бокалом, чтобы собрать пену, налипшую на стенки.

– Недавние события? – Шейла крутила пальцем сережку. Она была металлическая и напоминала Брайану знаки, которыми украшают тотемный шест. Серьга оттягивала мочку уха почти к самому низу подбородка, и от тяжести дырочка в ухе покраснела и была отчетливо видна.

– Эту историю с Маргарет Кризи. – Гарольд все еще сжимал в пальцах подставку для пива. – Джон вбил себе в голову, что к этому имеет отношение кто-то из дома одиннадцать. В прошлый уик-энд после церкви был просто вне себя.

– Вот как? – заметила Шейла. – Жаль, меня там не было.

Гарольд покосился на нее.

– Конечно, не было, – сказал он. – Я и не ждал, что ты придешь.

– Нахал и мерзавец, вот ты кто! – Она принялась крутить другую серьгу. От ее смеха затрясся столик.

Гарольд подался вперед, но протиснуться в столь узкое пространство у него не было возможности.

– Мы просто должны себе уяснить, – сказал он, – что

именно произошло.

Музыка кончилась. Брайан слышал, как поскрипывает полотенце Клайва о стенки бокала, слышал невнятное бормотание уединившихся в углу стариков.

– Да ты присядь с нами, Клайв, чего тебе там торчать! – Эрик Лэмб кивнул на стоявший рядом со стойкой свободный стул. – Ты такой же член общества, как и все мы, остальные.

Клайв отступил на шаг, прижал полотенце к груди и ответил, что не считает, что его место там. Но Брайан заметил, как уговаривает его взглядом Гарольд, и вот Клайв подтащил по линолеуму стул и втиснулся между Гарольдом и Шейлой.

– Я специально не позвал сегодня Джона. – Гарольд откинулся на спинку, скрестил руки на груди. – Нам ни к чему, чтоб он закатывал тут сцены.

– А почему он считает, что все это имеет отношение к дому одиннадцать? – Шейла допила «Бэбичам» и теперь вертела бокал за ножку. Он сползал к краю стола.

– Ты же знаешь Джона, – заметил Гарольд. – Вечно ищет повод для тревоги, никак не может успокоиться.

Брайан кивнул в знак согласия, хотя сам бы такое ни за что не сказал. Когда они были детьми, Джон любил пересчитывать автобусы. Думал, это принесет ему счастье.

«Чем больше автобусов мы увидим, тем лучше, – говорил он. – Тогда ничего плохого точно не случится». Из-за этого он опаздывал в школу, выбирал более длинный путь, часто останавливался, высматривая автобусы. Брайан смеялся:

«Мы опоздаем, какое же это счастье?» Но Джон грыз ногти и говорил, что на сегодня еще недостаточно.

– Но ведь не думает же Джон, что этот извращенец ее заманил? – спросила Шейла. Бокал ее накренился – вот-вот упадет, – и Эрик Лэмб оттянул ее руку назад.

– О, нет, нет. Ничего подобного, конечно. – Гарольд вообще очень часто повторял «нет». Эти «нет» так и вылетали у него изо рта, точно стайка перепуганных птичек. Он умолк и принялся изучать подставку для бокалов.

– А я бы не удивилась, если да, – сказала Шейла. – До сих пор считаю, что он забрал того ребенка.

Гарольд смотрел на нее секунду-другую, потом опустил глаза.

– Но ведь с ребенком все оказалось в порядке, Шейла. – Эрик забрал у нее бокал. – А это самое главное.

– Чертов извращенец, – пробормотала она. – Лично мне плевать, что там считает полиция. У нас нормальная улица, на которой живут нормальные люди. И ему тут не место.

За столом воцарилось молчание. Брайан слышал, как течет «Гиннесс» по горлу Эрика Лэмба, как шуршит полотенце между пальцев у Клайва. Он слышал, как позвякивают серьги в ушах Шейлы, как Гарольд постукивает подставкой по столу, слышал собственное дыхание. Ведь тишина тоже имеет звучание. И она звенела в его ушах до тех пор, пока не стала просто невыносимой.

– Маргарет Кризи часто болтала с моей мамой, – прогово-

рил он. И поднес бокал ко рту. Пива в нем почти не осталось.

– О чем это? – спросил Гарольд. – О доме одиннадцать?

Брайан пожал плечами:

– Я с ними никогда не сидел. Они часами играли в джин в задней комнате. Приятная компания – так говорила про нее моя мама. Умеет слушать человека.

– Да ведь она, Гарольд, только и знала, что сновать в твой дом и обратно, – заметила Шейла. Открыла кошелек, вытащила фунтовую банкноту и положила перед Клайвом.

– Неужели? Ни разу ее не видел.

– Ну, наверное, общалась только с Дороти, – сказала Шейла. – Пока тебя дома не было.

Брайан хотел положить на фунтовую бумажку горку мелких монет, но Шейла отодвинула его руку.

– Дороти видела, как Маргарет Кризи заходит в одиннадцатый дом, – сказал Гарольд. – И была она тогда в полной истерике, как недавно Джон. Считает, кто-то ей что-то сказал.

Клайв собрал пустые бокалы, понес их к бару, придерживая каждый одним пальцем.

– Ну, что тут добавить? Полиция считает, что пожар – просто несчастный случай.

– Сами знаете Дороти, – сказал Гарольд. – Она готова наговорить кому угодно что угодно. И при этом не понимает и половины того, что говорит.

Бокалы, позвякивая, покидали столик.

– Пока полиция не передумает и не начнет копать по новой все и с самого начала… – В кои-то веки Шейла говорила, понизив голос. Она все еще держала в руках кошелек, и Брайан услышал, как щелкнула застежка. Руки ее огрубели от жары, лак на ногтях облупился.

– Ради бога, Шейла, именно об этом я и говорю. – В баре никого больше не осталось, даже старички ушли. И все же Гарольд огляделся по сторонам и придвинулся к столу. – Прекрати паниковать. Мы же заранее договорились, что просто выразим свои чувства, и все. А остальное зависит от случая.

Брайан откинулся на спинку стула. Почувствовал, как ему в плечо уперся острый угол автомата по продаже сигарет.

– Но ведь она говорила с каждым, разве нет? Обошла всю улицу. И нам не известно, что она узнала. Она была умна, эта миссис Кризи. Очень умная женщина.

Шейла убрала кошелек в сумочку.

– Самой противно это признавать, но Брайан прав. Возможно, она знала больше, чем любой из нас.

– Это был несчастный случай, – сказал Эрик Лэмб. Он отчетливо произносил каждое слово, словно читал инструкцию.

Теперь, допив пиво, Брайан не знал, куда деть руки. Он макнул кончик пальца в лужицу пива на столе, начал чертить линии, пытаясь создать какой-то рисунок. Настоящая проблема, когда люди знают тебя с раннего детства. В этом слу-

чае они уверены, что имеют право внушить тебе, что именно ты должен думать.

– Нам просто надо сохранять спокойствие, – заключил Гарольд. – Нечего распускать языки. Мы же ничего плохого не сделали, ясно вам?

Брайан пожал плечами, кожаная куртка скрипнула. Нет, наверняка не настоящая кожа.

Они шли по улице к дому. Шейла взяла Брайана под руку ради устойчивости – туфли на ней были чертовски неудобные для ходьбы. Брайан считал, что на самом деле проблема вовсе не в босоножках, но взять ее под руку не отказался. Было уже почти десять. Эрик Лэмб шагал впереди, Гарольд остался в «Легионе», решив помочь Клайву закрыть заведение. Сейчас лучшая часть дня, подумал Брайан. Жара немного спала, над городом повисла тишина, дул даже легкий ветерок, еле слышно шелестя листвой в верхушках деревьев.

Они дошли до гаражей в конце улицы, и тут Шейла остановилась – поправить ремешок на босоножке. Она зашаталась, стоя на одной ноге, и привалилась к Брайану, чтоб сохранить равновесие.

– Вот чертова кукла, – выругалась она.

Он смотрел на дорогу. Свет покинул небо и давил теперь на горизонт, забрав с собой знакомые черты и ощущение безопасности. В сумерках дома выглядели иначе, казались раз-

детыми донага, словно некто лишил их защитной оболочки. Они смотрели друг на друга, точно враги, и в самой верхней точке, отдельно от остальных, высился дом под номером одиннадцать.

Неподвижный, тихий, чего-то ждущий. Шейла подняла голову, проследила за направлением его взгляда.

– Нет никакого смысла, верно? – заметила она. – К чему оставаться, если знаешь, что никому не нужен?

Брайан пожал плечами:

– Может, по отношению к нам он чувствует то же самое. Может, ждет извинений.

Шейла рассмеялась. Смех получился визгливым и сердитым.

– Ну, лично от меня извинений ему придется ждать чертовски долго.

– Неужели ты серьезно думаешь, что он это сделал? Что это он тогда похитил ребенка?

Она уставилась на него. Лицо ее словно окаменело, зрачки расширились – белков почти не видно, глаза гневно сверкали.

– Да ведь он как раз из таких, разве нет? Ты только глянь на него, сразу все ясно! Не тупи, Брайан.

Он почувствовал, что вся кровь так и хлынула в лицо. И порадовался тому, что она не заметила.

– Странный Уолтер, – пробормотал он.

– Вот именно. Даже дети это понимают.

Брайан посмотрел на свет в окнах дома Шейлы.

– А кто с твоими сидит? – спросил он.

Она улыбнулась:

– Они в няньках не нуждаются. Лайза уже достаточно взрослая. Умная, вся в мать пошла. Я хорошо ее воспитала.

Брайан снова взглянул на дом одиннадцать. Его очертания терялись на фоне неба, края крыши сливались с чернильной темнотой.

– Так вот чем обычно занимаются ребятишки? – спросил он. – Копируют своих мамочек и папочек?

Шейла едва ковыляла по тротуару, высоченные каблуки скользили по бетонному покрытию.

– Именно, – отозвалась она. – И нечего жалеть Уолтера Бишопа. Такие люди, как он, сочувствия не заслужили. Они другие, не как мы.

Лязгнул засов калитки, звук разнесся по пустой улице.

– Ты на самом деле думаешь, что полиция снова займется этим пожаром? – спросил он. – После того, как прошло столько времени?

Шейла развернулась к нему в полумраке. Лица видно не было, лишь очертания головы. Тень, скользящая на фоне быстро темнеющих кирпичей. И ответила ему шепотом, вполне различимым в тишине.

– Будем надеяться, что нет, черт побери, – сказала она.

И вот каблуки ее застучали по ступенькам, ключ повернулся в замке, а Брайан смотрел, как последние отблески

дневного света покидают небо.

Он перешел улицу и направился к своему дому. Шел, засунув руки в карманы куртки. Сперва подумал, что ему показалось, но затем почувствовал снова. Ощущение было такое, будто о запястье трется какая-то картонка. Он остановился, дернул за подкладку рукава, немного оторвав ее.

Библиотечная карточка.

Он стоял под уличным фонарем. Ему удалось прочесть имя на карточке в неверном оранжевом свете.

«Миссис Маргарет Кризи».

Брайан нахмурился, затем сложил картонку пополам и стал заталкивать обратно под подкладку, пока она не исчезла.

Брайан стоял в дверях и оглядывал гостиную. Материнский рот, открытый во сне, выглядел огромным как пещера, отчего лицо казалось до ужаса тривиальным. Пустая коробочка от ассорти лежала на табурете, ковер был завален мусором, скопившимся за день: вязальные спицы, кроссворды, странички с телевизионными программами, вырванными из газеты…

– Мам! – окликнул он. Негромко, чтобы не разбудить ее, но достаточно отчетливо, чтоб убедить себя, что он это сделал.

В ответ послышался храп. Не такой оглушительный и раскатистый, как можно было бы ожидать, вполне себе уме-

ренный. Даже какой-то задумчивый. Отец рассказывал, что, когда они познакомились, мама была девушкой нежной и грациозной. И Брайан решил, что, возможно, сдержанный храп – это все, что осталось от некогда застенчивой и хрупкой женщины.

Он не сводил глаз с открытого рта матери. Интересно, сколько же слов вылилось из него и попало в уши Маргарет Кризи. Мама никогда не умела вовремя остановиться. Использовала сеть из сплетен и пересудов, желая привлечь внимание людей, словно не верила, что она сама по себе достаточно интересна им, и не было другого способа их удержать.

Рот матери еще немного приоткрылся, веки сомкнулись еще плотней. И откуда-то из глубины груди послышался слабый всхлип.

Интересно, подумал Брайан, рассказывала ли она Маргарет Кризи о том ночном пожаре. О том, что она видела или думала, что наблюдала в затененных уголках улицы.

И еще он предположил: может, именно эти магические слова привели к исчезновению Маргарет Кризи.

20 декабря 1967 года

Брайан подносит пламя спички к самокрутке и наблюдает за тем, как огонек прорезает в темноту.

Он мог бы курить и в доме, если б захотел. Потолки и стены комнат пропитаны запахом и пожелтели от материнских сигарет. Но он предпочитает выходить на улицу, чув-

ствовать, как морозец пощипывает лицо, и смотреть во тьму. Стоять здесь, чтобы никто не беспокоил.

Авеню погружена в холодную зимнюю тишину. Окна и двери домов плотно закрыты, в трех топят камины, окна запотевают. В щелях штор и занавесок видны рождественские елки, но настроение у Брайана не слишком праздничное. Он искренне сомневается, что у кого-то с этим обстоит иначе – после всего того, что случилось.

Самокрутка тонкая и быстро подходит к концу. Остатки дыма царапают горло, в груди все сжимается. Он решает сделать последнюю затяжку и вернуться в теплую кухню, но вдруг замечает какое-то движение в дальнем конце дороги. У дома одиннадцать происходит какое-то перемещение в темноте. Освещение меняется, и все это он замечает краем глаза, уже когда собирается развернуться и войти в дом.

Он прикрывает самокрутку ладонью, чтобы не погасла, пытается рассмотреть, что же там происходит, но за оранжевым озерцом света от уличного фонаря все остальное тонет в чернильной тьме.

Однако какое-то движение там было, определенно.

Закрывая за собой заднюю дверь, он слышит звук быстро удаляющихся шагов.

– Можешь курить и здесь, Брайан. – Мать кивает на набитую до отказа пепельницу. – Помог бы мне с этими рождественскими открытками.

Она насаживает открытки на крохотные зеленые и красные крючки – получается подобие гирлянды из флажков. Пакетик со сладким заварным кремом подходит к концу.

– Надо же глотнуть хоть немного свежего воздуха, мам.

– Не забывай о своих почках, – предупреждает она.

Брайан подходит к окну, слегка отдергивает занавеску. Получается щелочка шириной не больше дюйма.

– Чего это ты там высматриваешь? – спрашивает она и откладывает открытки на колени.

– Одиннадцатый дом.

– Вроде бы ты говорил, что он уехал со своей мамашей. И вроде бы мы все решили, что нет смысла наблюдать за домом до тех пор, пока он не вернется.

– В саду у него кто-то ходит.

Она тут же вскакивает. Груда рождественских открыток разлетается в разные стороны, висевшие в самом низу картонажные ясли и ослик падают на ковер.

– Если уж хочешь что-то сделать, так делай как следует, – ворчит мать. – Погаси верхний свет и раздвинь занавески.

Брайан повинуется, и вот они начинают всматриваться во тьму.

– Что-нибудь видишь? – спрашивает она.

Он не видит. И они продолжают наблюдать в полном молчании.

Шейла Дейкин выходит выбросить мусор, слышен скрежет стекла по металлу. Сильвия Беннет раздвигает шторы в

одной из комнат на верхнем этаже и выглядывает на улицу. Такое ощущение, будто она смотрит прямо на них, и Брайан прячется под подоконник.

– Да не видит она тебя, олух ты эдакий, – говорит мать. – Свет-то у нас выключен.

Брайан выныривает, смотрит в окно, но Сильвия уже исчезла.

– Может, снова те ребята из города, – рассуждает мать. – Может, они вернулись.

Брайан навалился грудью на подоконник. Ноги у него занемели, сбоку в ребра впивается спинка кушетки.

– Да они бы не посмели, – бормочет он. – После того, что случилось.

Мать насмешливо фыркает:

– Ну, не знаю. Лично я ничего не замечаю. Тебе, должно быть, показалось.

Она говорит и говорит, и в этот момент Брайан снова видит какое-то движение за тонкими деревцами с облетевшей листвой, что стоят в саду у Уолтера Бишопа.

– Вон, там! – Он стучит пальцем по стеклу. – Теперь видишь их?

Мать снова приникает лицом к стеклу, дышит возбужденно и часто.

– Сроду бы не подумала, – бормочет она. – Что, черт возьми, происходит?

– Кто? – Брайан тоже приникает к стеклу. – Кто это там?

– Да отодвинься ты, Брайан. Все загородил.

– Кто это? – повторяет он, слегка отодвигаясь.

Мать отходит на шаг, скрещивает руки на груди. И с удовлетворением замечает: – Это Гарольд Форбс, кто ж еще. Определенно Гарольд Форбс.

– Разве? – Брайан снова рискнул прижаться лицом к стеклу. – С чего ты взяла?

– Да я этого горбуна когда хочешь узнаю. Совсем никудышная осанка у этого мужчины.

И вот они снова всматриваются во тьму и видят свои отражения в стекле – искаженные от любопытства призрачно-бледные лица с открытыми ртами.

– Странные все же люди попадаются на этом свете, – бормочет мать.

Глаза Брайана уже совсем освоились с темнотой, и через секунду он отчетливо различает согбенную фигуру – человек что-то держит в руке и рассматривает этот предмет. Он движется между деревьями, приближается к дому номер одиннадцать. Это определенно мужчина, но Брайан не понимает, отчего мать так уверена, что именно Гарольд Форбс.

– Что он там несет? – Брайан протирает ладонью запотевшее стекло. – Ты не видишь?

– Не знаю, – отвечает мать, – но не это интересует меня в первую очередь.

Брайан оборачивается к ней, хмурясь:

– Ты о чем?

– Меня куда больше интересует, – продолжает мать, – кто это с ним?

Она права. Вслед за согбенной фигурой, мелькающей среди деревьев, идет второй человек. Он немного выше первого и стройнее, и оба указывают на нечто, находящееся за домом. Брайан еще плотнее приникает к стеклу, но картина расплывается, искажается и превращается в непонятный набор теней и линий.

Брайан выдвигает несколько предположений, но все они отметаются матерью по разным причинам – слишком молодой, слишком старый, слишком высокий.

– Так кто же это, как думаешь? – спрашивает Брайан.

Мать выпрямляется во весь рост, прижимает подбородок к груди.

– Есть кое-какие подозрения, – отвечает она, – но не знаю, имею ли я право…

Существует в мире лишь одно, что занимает мать больше, чем слухи. Это верность следующему принципу: надо скрывать информацию от заинтересованной стороны, руководствуясь неведомо откуда возникшими моральными соображениями.

Они спорят. В спорах Брайану никогда не удается одолеть мать – та слишком практична и слишком упряма. И вот он, наконец, сдается, но когда снова выглядывает в окно на улицу, видит: фигуры исчезли.

– Надо же, – говорит мать. Открытки все еще валяются на

полу, и она на пути к дивану подбирает несколько с изображением Девы Марии.

– Как думаешь, что они там делали? – спрашивает Брайан.

Она берет еще одно печенье и, пока он ждет ответа, открывает баночку с заварным кремом и изучает содержимое.

– Что бы там ни было, будем надеться, это поможет нам избавиться от Бишопа раз и навсегда. Довольно с нас всех этих случаев за последнее время.

В кои-то веки сын с ней согласен. За последние несколько недель было несколько неприятных происшествий, следовали они одно за другим. Полиция почему-то отказывалась патрулировать их улицу, жители были предоставлены сами себе.

– Я одно скажу. – Мать откусывает кусочек печенья, сдобренного заварным кремом, целая россыпь крошек падает на салфетку. – Хорошо, что ты здесь, со мной, Брайан. Иначе я бы ночью и глаз не сомкнула. Ну, по крайней мере до тех пор, пока этот человек живет в том доме.

Брайан облокачивается спиной о подоконник, но его края больно врезаются в спину. В комнате слишком жарко. Мать всегда любила, когда жарко натоплено. Еще ребенком он стоял на этом же месте. Смотрел в окно, пытался придумать способ, как бы избавиться от этой жары и духоты раз и навсегда.

– Выйду выкурить сигаретку, – говорит он.

– Не понимаю, почему ты не хочешь курить здесь, Брайан.

Тебя что, не устраивает моя компания?

Она снова принимается нанизывать рождественские открытки. А вот это тема, думает Брайан. Она помещает в ряд еще одного младенца Иисуса. Тринадцать вифлеемских звезд. Тринадцать нагруженных осликов. Целая гирлянда младенцев Иисусов будет украшать пространство над каминной доской и наблюдать за тем, как они с матерью будут поглощать рождественский ужин в полном молчании и в дурацких бумажных колпаках.

– Просто хочется глотнуть свежего воздуха.

– Только не торчи там целую вечность. Сам знаешь, нервы у меня расшатаны, не терплю оставаться одна в доме надолго. Ну, по крайней мере до тех пор, пока вся эта свистопляска не закончится.

Брайан берет с подоконника табакерку и коробок спичек.

– Ладно, я скоро, – обещает он.

И выходит в темноту.

Дом номер четыре, Авеню

5 июля 1976 года

Сегодня понедельник. Первый настоящий день каникул. Лето перекидывало длинный пыльный мост к сентябрю. Я валялась в постели как могла долго, оттягивая момент, когда можно будет сделать первый шаг.

Я слышала родителей в кухне. Звуки такие знакомые – звяканье посуды, хлопанье дверец шкафчиков и дверей, – и я знала, какой звук за каким последует, как в музыкальном произведении. Положив под голову подушку, слушала, смотрела, как ветерок вздувает занавески, наполняет их воздухом, словно паруса. Тем не менее дождя все нет и не предвидится. Приближение дождя можно уловить по запаху, говорил папа, это как запах моря. Но лежа в постели, я улавливала лишь ароматы овсянки для Ремингтона и бекона – они вплывали в комнату с кухни. Интересно, подумала я, можно ли отвертеться от завтрака, снова заснув, но тут же вспомнила, что мне необходимо найти Бога и миссис Кризи, а без завтрака тут не обойтись.

Мама была сегодня какая-то очень тихая. Молчала, когда я вошла в кухню, молчала все то время, пока я ела рисовые хлопья, молчала, когда я ставила миску в раковину. Но весьма странным казался тот факт, что, несмотря на молчание, она все равно оставалась на кухне самым шумным челове-

ком.

Отец сидел в углу и протирал туфли клочком газеты, мама носилась вокруг буфета и шкафчиков. Время от времени он изрекал нечто вполне тривиальное – наверное, желая проверить, получится ли втянуть кого-то в беседу. Он уже пытался поговорить о погоде, но никто не поддержал тему. Он даже заговорил с Ремингтоном, но тот лишь стучал хвостом по линолеуму и казался смущенным.

– Значит, первый день каникул, – сказал отец.

– М-м-м… – Я подошла к холодильнику, сунулась посмотреть, из чего будет сегодня состоять ленч.

– И как же вы с Тилли собираетесь провести лето?

– Мы ищем Бога, – отозвалась я из глубины холодильника.

– Бога? – удивился он. Я слышала, как трется бумага о кожу. – Ну, тогда вам есть чем заняться.

– Это не так уж трудно, как думаешь. Бог, он повсюду.

– Повсюду? – спросил отец. – Лично я не уверен. Такое впечатление, будто он старательно обходит этот городок стороной.

– Ой, только не начинай, Дерек. – Я посмотрела поверх дверцы холодильника и увидела, как мама протирает полотенцем столовые приборы и запихивает их в выдвинутый ящик. – Я ведь уже объяснила тебе, почему не пойду.

– Да я не об этом. Но раз уж ты упомянула…

Я так и застыла у полки йогуртов с черной смородиной и дюжиной яиц от домашних несушек.

– Мне незачем оправдываться. За всю жизнь успеешь находиться по похоронам, и вовсе не обязательно являться на те, где тебе совсем не хочется быть.

– Просто боюсь, что вообще никто не придет. – Отец перестал чистить туфли и теперь разглядывал их. – Я пойду, если получится сорваться с работы. Два часа дня – конечно, не самое удобное время.

– Мамочка Тощего Брайана там будет, – отозвалась мама.

– О, она ходит на все похороны. Единственное, ради чего готова выйти из дома. – Отец сунул щеточку в коробок с ваксой. – Они с сынком друг друга стоят.

– И вообще я знала Энид не слишком хорошо. – Мама поднесла ладони к лицу, и я услышала, как она глубоко и горестно вздохнула. – Ужасно, что она умерла вот так, в одиночестве, но не думаю, что от моего присутствия на похоронах ей станет легче.

А, та женщина с Тутовой улицы. Я становилась просто отличным детективом.

– Ну, как знаешь, – заключил отец, и мама снова погрузилась в молчание.

– Просто не верится, что миссис Форбс нам соврала, – сказала Тилли.

Я созвала экстренное совещание у себя в спальне. Не идеальный вариант, поскольку Тилли легко отвлекалась, но миссис Мортон поехала навестить могилу мужа, и запас шоко-

ладных печений и прочих вкусностей на ее кухонном столе стал временно недоступен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.